

ВСТРЕЧА

2(20)
2005

Студенческий православный журнал
Московской духовной академии

Издается
по благословию
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Координаторы издания
архиепископ Верейский Евгений
Е.А.Пархаев

Главный редактор
иеромонах Петр (Еремеев)

Выпускающий редактор
Петр Королев

Редакционный совет
Николай Солодов
Константин Юдин
иерод. Пантелеимон (Шустов)

Верстка
Игорь Третьяков

Набор и корректура
Ольга Некрашевич
Елена Пахомова

Фото
Владимир Погодин

Адрес редакции
141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра,
МДАиС

Тел.: (09654) 4 12 18
Факс: (095) 742 44 04

<http://www.mpda.ru>
<http://vstrecha.uchkom.ru>
e-mail: vstrecha_mpda@mail.ru

Издание зарегистрировано
Комитетом РФ по печати
Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 года

Журнал издается попечением
ХПП «Софрино»
Русской Православной Церкви

Подписано в печать 31.05.2005
Формат 60x90%.

Оригинал-макет изготовлен
редакцией журнала «Встреча»

Отпечатано в ХПП «Софрино» РПЦ

Ученое монашество пришло на Русь с первыми христианскими миссионерами. Вначале епископы и священники, а затем и иноки русских монастырей стали для наших предков и пастырями, и просветителями. Перенесенная на русскую почву византийская монашеская традиция очень скоро принесла богатые плоды, став в пределах нашего Отечества оплотом миссионерства и духовного образования.

Безусловно, не все монахи Древней Руси были широко образованы, и русская ученость того времени не сопоставима с византийской, которую мы видим в лице святителя Фотия Константинопольского или преподобного Феодора Студита. Однако учительство, ставшее призванием для русского иночества, на века определило пути развития монашества в России.

В XVIII веке ученое монашество как явление подверглось жесткой регламентации. Церковные реформы Петра I не могли не коснуться интеллектуальной элиты православного клира. Император определил ученых иноков на государственную службу, и с тех пор вплоть до революции 1917 года ученое монашество стало исключительно кадровым институтом Церкви и государства. В бюрократических тисках лишь по-настоящему талантливые питомцы духовных школ сохраняли горение духа и любовь к просвещению. Такими были митрополит Платон (Левшин), святители Тихон Задонский, Филарет Московский, Феофан Затворник и многие другие. Сегодня именами этих ученых монахов мы называем целые эпохи в истории Русской Православной Церкви.

Возродившись вместе с духовными академиями в середине XX века, ученое иночество, преодолевая стереотипы синодального периода, открыло новую страницу собственной истории. Быть может, наш журнал станет одной из иллюстраций в летописи ученого монашества.

*Главный редактор,
проректор Московской духовной академии
иеромонах Петр (Еремеев)*

тема номера

Надо избирать образ жизни, мысли и служения

4

Интервью митрополита Минского и Слуцкого Филарета

Кадры и кафедры

7

К истории русского ученого монашества

Константин Юдин

Приношение ученому монашеству

13

Мысли вслух

От делания по Матфею к видению по Иоанну

16

Беседа святителя Игнатия (Брянчанинова) с архиепископом Леонидом (Краснопевковым)

святые отцы

Чувство локтя

20

Переписка святителя Филарета Московского и преподобного Антония Радонежского

Алексей Кнутов

служение мирян

Зачем Церкви наука?

27

Интервью с Кравцом С.Л., руководителем ЦНЦ «Православная энциклопедия»

новомученики

Освободительное движение Или Громогласова

33

Николай Солодов

Редакция благодарит преподавателей и студентов Московских духовных школ, участвовавших в подготовке этого номера. При использовании материалов ссылка на журнал «Встреча» обязательна. Редакция будет рада сотрудничеству с новыми авторами, особенно со студентами.

наши выпускники

Благодарю Пресвятую Троицу

38

Интервью с Каталикосом-Патриархом
всёя Грузии Илией II

таинства церкви

«Се, чадо, Христос невидимо стоит...»

40

Беседа о Таинстве исповеди
игумен Мелхиседек (Артюхин)

церковное искусство

Против копоты и равнодушия

45

иеродиакон Пантелеимон (Шустов)

Икона для всех и всё для иконы

48

Прогулка по ХПП «Софрино» РПЦ

Александр Кукушкин

богословие

Подвиг просвещенного юродства

51

Интервью с Фельми К.Х., профессором Эрлангенского
университета

Блаженный пресвитер, второй Богослов

56

Евгений Ткачев

Похвальное слово в честь святых апостолов Петра и Павла

57

Святой Исихий Иерусалимский

летопись

62

Надо избирать образ ЖИЗНИ, МЫСЛИ И СЛУЖЕНИЯ

Интервью митрополита Минского и Слуцкого Филарета,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси,
председателя Синодальной богословской комиссии,
журналу «Встреча»

4

Ваше Высокопреосвященство, Вы являетесь председателем Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви. Какие проблемы и задачи стоят сегодня наиболее остро перед русским богословием и церковной наукой?

Если говорить о проблемах, то это, прежде всего, создание богословской школы и школы церковной науки такого уровня и качества, который бы соответствовал уровню и призванию великой Русской Церкви. За прошедшие пятнадцать лет сделано уже немало: осуществляется реформа Духовной школы, академии постепенно обретают статус центров церковной науки, возникли новые, весьма активные учреждения богословского образования, в первую очередь — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, действуют центры церковной науки, такие как Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», реализуются и иные исследовательские и издательские проекты. И все же предстоит сделать еще очень и очень многое. Церковная наука должна стать неотъемлемым и важнейшим элементом церковной жизни. Академическая образовательная система Церкви должна готовить действительно высококлассные богословские кадры церковных ученых и преподавателей, которые будут не просто соответствовать уровню светской и зарубежной богословской науки, но и превосходить его. Должны быть творчески усвоены и превзойдены достижения светской

и богословской науки XX века. Православное богословие и наука должны стать поистине святоотеческими и библейскими, причем не по букве, а по духу, при одновременной оснащенности всем инструментарием современной гуманитарной науки.

Владыка, для чего необходимо создание такой системы церковной науки? Каковы стоящие перед ней задачи?

Я глубоко убежден в том, что основная задача церковного богословия — обеспечить живое преемство нынешнего поколения Церкви с сокровищами ее духовного и богословского Предания. И не просто обеспечить формальное преемство, а сделать Предание живой и действенной основой нашей церковной жизни. Такая задача будет нам под силу лишь в том случае, если богословие перестанет восприниматься как принадлежность только академической среды, а станет неотъемлемым элементом церковной жизни и проповеди. Одним словом, задача, стоящая перед церковной наукой и богословием — сугубо практическая — стать живыми инструментами свидетельства и служения Церкви в современных условиях. Поэтому все задачи, стоящие сегодня перед православным богословием и наукой вытекают из общецерковных задач: во-первых, внутреннее духовное укрепление и возрастание Церкви, во-вторых — развитие миссии, то есть свидетельство миру о Христе и о совершенном Им спасении, о Церкви, причем свидетельство абсолютно искреннее, внятное миру,

*Митрополит Филарет в Церковно-научном центре «Православная энциклопедия»
на заседании круглого стола по проблемам современной церковной науки*

такое свидетельство, которое никого не оставляет равнодушным; и наконец — развитие общественного и диаконического служения Церкви.

Владыка, не могли бы Вы поделиться планами Синодальной богословской комиссии на ближайшее будущее?

Одна из первоочередных задач, которые сейчас стоят перед Синодальной богословской комиссией — это подготовка к общецерковной конференции по вопросам эсхатологии — учения Церкви о последних судьбах мира и о Втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа. Эта конференция будет уже четвертой из серии общецерковных богословских конференций, которую мы начали в 2000 году. Первая из них была посвящена анализу состояния богословской науки на пороге третьего тысячелетия, затем была конференция по православному учению о человеке, на третьей мы обсуждали православное учение о Церкви.

Выбор темы грядущей конференции обусловлен тем, что время сейчас непростое.

Впрочем, и во всякое время от христиан требуется максимум внимания и максимум осторожности, всегда необходимо помнить слова Спасителя: *блюдите, да не прельщени будете* (Лк. 21:8). Мы видим, как сегодня искажается учение Церкви о знамениях приближения Второго Пришествия Христа Спасителя, как подменяются представления о конце мира и о Суде. Знание православной эсхатологии необходимо для того, чтобы, как говорит апостол Павел, *не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания* о Пришествии Господа, *как бы нами посланного* (2 Фес. 2:2).

Владыка, на протяжении многих веков в Церкви существенная часть богословской литературы была именно монашеской. В чем сегодня можно видеть роль ученого монашества, в чем заключается его задача и служение Церкви?

Ученое монашество, монахи с академическим образованием, искушенные в современных богословских вопросах были и раньше,

и сегодня мы видим прекрасные примеры ученых монахов, педагогов, воспитателей нашего юношества. Сегодня есть молодое поколение, которое идет им на смену. Как ректор в недавнем прошлом я рад, что есть те, кто готов принять эстафету и сможет вести нашу молодежь путем научных исследований. Все это вселяет надежду на то, что у нашей православной отечественной науки есть будущее.

В дореволюционный период отечественная наука сохранила святоотеческие традиции. И дай Бог нашим православным академиям, университетам и институтам и сегодня возрастать на основании именно церковной традиции. Развитие богословской науки возможно лишь на камне веры, как воспевают Церковь: «на камени мя веры утвердив» — иначе невозможно проникнуть в истины веры и утвердиться в правильном жизненном пути. Связь догматического учения с нравственностью неразрывна. Камень веры остается фундаментом и для богословия, и для развития нашей жизни во Христе.

Как происходило возрождение ученого монашества в послевоенной Академии?

Все было естественно, никто специально этим не занимался. Когда мы пришли в первый класс Семинарии в 1953 году, среди нас уже были монахи. Классным наставником нашего курса был владыка Питирим (Нечаев), он был очень внимателен к нам, приходил вечерами, интересовался, беседовал, его влияние было довольно сильным. Постепенно росло братство монахов из студенчества. Мы несли послушание и в Академическом храме, и в монастыре, и никогда у нас не было трений: «ты академический» — «а ты монастырский». Для каждого из нас Лавра — отчий дом, духовная родина. Очень полезно, когда школа находится при монастыре, когда студенты и выпускники именно здесь делают первые шаги монастырского послушания, приобретают опыт священнослужения и проповеди.

Кто из представителей ученого монашества оставил в Вашей памяти наиболее яркие воспоминания?

Из старшего поколения в первую очередь вспоминается владыка Питирим, чуть раньше него закончили Академию архимандрит Тихон (Агриков), архимандрит Кирилл (Павлов), архиепископ Афанасий (Кудюк), который преподавал у нас церковный устав. Потом пришли братья из Глинской пустыни, среди них — схиархимандрит Иоанн (Маслов). Духовным

сыном отца Иоанна был игумен Марк (Лозинский), он принимал постриг вместе с архимандритом Матфеем (Мормылем). Они оба сочетали монастырское послушание с академическим. А следующее поколение — архимандрит Георгий (Тертышников), он занимался святителем Феофаном Затворником. Когда я стал экзархом Западной Европы, мне удалось издать там его книгу, и позже он часто давал мне свои статьи в «Голос Православия».

Как следует относиться к постригу «из любви к науке»?

Монах — это человек, всецело предавший себя на служение Матери-Церкви, а не науке. Постриг есть постриг, принятие монашества, избрание своего пути служения Богу. Ради науки и из любви к родной школе можно оставаться «пиджачником»: профессором, преподавателем. Надо избирать образ жизни, мысли, служения, все остальное — приложится, никто не запретит монаху заниматься наукой. Но если начнешь отказываться от послушаний и говорить: «нет, я занимаюсь наукой, мои интересы выше всяких работ по хозяйству», то такой подход никуда не годится. Не страшно, если образованный монах не будет заниматься наукой, но горе тому, кто будет пренебрегать своим монашеством ради учености. Ученые монахи дореволюционной Академии были в первую очередь монахами, они не избирали профессию «ученого монаха», а несли свое послушание в научно-богословской сфере.

С другой стороны, сам термин «ученое монашество» является одним из определений монашества по сути: совершенно естественно монастыри становились очагами духовной культуры, письменности, богословия. Это еще большой вопрос, может ли монашество быть неученым!

Владыка, что может помочь становлению и укреплению нынешнего ученого монашества?

Понятие ученого монашества двусоставно: с одной стороны — наука, с другой — иноческая жизнь. Поэтому для избравшего путь служения Церкви в качестве ученого монаха очень важно иметь возможность вдыхать кислород как учености, так и монашеской жизни. Очевидно, что молодым инокам необходимо иметь перед глазами примеры для подражания, но я думаю, что сегодня этого будет недостаточно. Необходимо постепенное формирование особой среды, в которой ученое монашество могло бы развиваться и приносить пользу русской богословской науке.

Кадры и кафедры

К истории русского ученого монашества

Монашество родилось как особый путь к достижению идеала святости, христианского совершенства. Это был новый путь, ведущий к общей и для иноков, и для мирян цели — жизни с Богом. Живущие по особым обетам, пребывающие в безмолвии и созерцании тайн богословия стали для всей Церкви нервом, тонко чувствующим Предание. Со временем само монашество приобретало различные формы, возникали уставы иноческого жития, разнообразие которых впоследствии было оправдано опытом святости.

Русская Церковь восприняла традицию восточного монашества во всем ее многообразии. Ученые занятия как одно из направлений в монашеском делании на христианском Востоке спустя некоторое время стали неотъемлемой частью традиции и русского иночества. И хотя ученое монашество на Руси имеет уже довольно богатую историю, споры о нем как о церковном институте, столь бурные в начале XX века, вряд ли можно сегодня считать закончившимися.

Воля государева

Со времени равноапостольного князя Владимира и до царя Алексея Михайловича Церковь хранила определенную независимость от

власти. Это выразилось, к примеру, в принятии Иваном IV византийской идеи симфонии государственной и духовной власти. Были в истории Русской Церкви даже моменты превосходящего влияния патриаршей власти: вспомним XVII век, когда первосвятительский престол занимали такие сильные и одаренные личности, как патриархи Филарет и Никон. В допетровскую эпоху архиереи происходили из монашеской среды, обычно ими становились насельники обителей, засвидетельствованных в традиции святости. Несмотря на свое высокое положение, архиереи не оставляли аскетических подвигов и любви к христианскому просвещению, являясь носителями общего на Руси нравственно-учительного идеала монашеской жизни. И на кафедре они продолжали увлекать боголюбцев своим примером христианской жизни, лишь усугубляя иноческие подвиги заботами о чистоте веры и духовном состоянии паствы.

Выделение ученого монашества в отдельный церковный институт напрямую связано с политическими преобразованиями Петра I. Начиная преобразования государственного строя России, император усиленно искал поддержки со стороны иерархии, ибо патриархальный быт Руси зиждился на народной вере и авторитете Церкви. Петр хорошо знал о духовном

единстве епископата с монашеством, почему и решил провести мероприятия по утеснению последнего, а иерархию сформировать из сочувствующих его политике лиц. Подходящие кадры он нашел в лице просвещенных киевских иноков, получивших образование в западных университетах и потому готовых принять просветительский дух петровских преобразований. Во всяком случае, они не могли составить церковной оппозиции, объединившись с патриархальным приходским духовенством.

Уже с середины XVIII века наметился небывалый разрыв в социальном и материальном положении белого духовенства и монастырского монашества с одной стороны — и ученого монашества с другой. Основной деятельностью ученой братии были систематические занятия богословием и преподавание в духовных школах. Как правило, сразу после пострига, который для ученых иноков мог состояться и до 30 лет — возраста, оговоренного «Объявлением о монашестве» 1724 года, — следовало посвящение в иеромонахи. Им позволялось жить на казенной квартире вне обители, а с 1766 года даже свободно распоряжаться своим имуществом, к примеру, завещать его родным, тогда как собственность монастырских монахов после их смерти отходила государству. Наконец, царский указ 1823 года позволил возводить в сан архимандрита ученых монахов, не являющихся настоятелями монастырей — такого Русская Церковь ранее не знала. Предвестием царского указа стало возведение молодого бакалавра Петербургской духовной академии Филарета (Дроздова) в сан архимандрита еще до того, как в 1812 году он был определен ректором Академии и настоятелем Новгородского Юрьева монастыря. Как вспоминает его воспитанник архимандрит Фотий (Спасский), Филарет «любил монашеский сан ученых и желал, чтобы все достойные поступали в сан монашеский». Именно со святителя Филарета к середине XIX века начнется новая эпоха русского ученого монашества как научно-богословского и административного ядра Русской Церкви. Пока же, в XVIII веке, ученое монашество продолжало оставаться кадровым резервом церковно-государственного аппарата.

Искушенные и безыскусные

Уже во второй половине XVIII века большинство архиереев было из числа ученых монахов.

Император Петр I

Их путь был примерно одинаков: постриг без послушнического искуса, затем должность инспектора и ректора духовной семинарии, возведение в сан архимандрита — несмотря на возраст около 30 лет. Следующей ступенью было ректорство уже в духовной академии, и хотя ректоры академий числились настоятелями монастырей, там они, как правило, почти не бывали. Последним шагом по служебной лестнице было архиерейство, и получалось, что епископ так никогда и не пожил монастырской жизнью.

Впрочем, среди архиереев были и выходцы из монастырей. Именно они сохраняли в своем мироощущении и образе жизни тесную связь с аскетической традицией православного монашества. Их имена — достойное украшение Церкви: архиепископ Тобольский Варлаам (Петров) — воспитанник Досифея, старца Александро-Невского монастыря; архиепископ Екатеринославский Иов (Потемкин) — ученик молдавского старца Паисия Величковского; наставник покаяния и умной молитвы святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский.

В XVIII веке из-за активного вмешательства государства в сам уклад иноческой жизни произошло обмирщение и общий упадок монашества. Наиболее заметно это было в «синодальном» монашестве, которое порой теряло связь с древним аскетическим преданием. Но кроме

иноков, лишь носивших монашескую одежду, были и те, кто стремился устроить свою жизнь в духе святоотеческого подвижничества.

В XIX веке главным вдохновителем принятия монашества в академической среде был святитель Московский Филарет, при нем достаточно большое число студентов приняло постриг, и впоследствии некоторые из них были поставлены на ключевые архиерейские кафедры. После преставления Святителя в 1867 году число постригов среди студентов и преподавателей на некоторое время сокращается. Так, в ректорство архимандрита Михаила (Лузина) никто из студентов Московской академии монашества не принял. Архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович) писал в то время: «Теперь мы мало видим и слышим о новых поступлениях образованных молодых людей в чин монашествующих, тогда как в недавно прошедшие годы это было обычным явлением».

Ситуация стала меняться в 1880-е годы со вступлением на ректорство в Санкт-Петербургской духовной академии епископа Арсения (Брянцева). До него академия долго

не имела ректора из монашествующих, и уже двадцать лет не совершались постриги. Под влиянием примера живой веры владыки Арсения в Академии заметно окреп дух церковности, студенты стали активно обсуждать вопросы духовной жизни и подвижничества, а некоторые решили принять монашество. За четыре года его ректорства в ангельский образ облеклись девять студентов, в том числе и Алексей Храповицкий, получивший в постриге имя Антоний.

Самовар пропаганды

В лице молодого, талантливого, энергичного архимандрита Антония (Храповицкого) Русская Церковь обрела нового ревнителя, пестуна новой многочисленной школы ученого монашества. Его влияние на церковную жизнь было сильным, хотя и неоднозначным: зачастую положительным, но порой и негативным. Побывав на ключевых постах почти во всех академиях, всюду он оставлял заметный след, неизменно становясь кумиром учащейся молодежи. Митрополит Евлогий (Георгиевский),

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

Архимандрит Антоний (Храповицкий)

вспоминая студенческие годы, пишет о своем ректоре: «Можно сказать без преувеличения: для Московской духовной академии начался какой-то новый период существования. Идею монашества он пропагандировал среди нас поистине фанатически. В противоположность предшественнику, епископу Христофору, архимандрит Антоний широко открыл нам двери ректорской квартиры. Он устраивал у себя собрания для студентов: на столе появлялся самовар (его называли „самовар пропаганды“), всевозможные угощения. Не одни собрания сближали нас с архимандритом Антонием, — он входил в наши дела, интересовался нашими занятиями. Следствием этого нового духа в Академии была волна пострижений». Однако там же он отмечает: «Архимандрит Антоний постригал неразборчиво и исковеркал не одну судьбу и душу...» За период ректорства в духовных академиях архимандрит, а позже епископ Антоний постриг более 60 студентов, из которых многие впоследствии стали архиереями.

В конце XIX века заметно возрастает стремление академической молодежи общаться с опытными подвижниками. Епископ Варнава

(Беляев) в студенческие годы находился под духовным руководством старца Зосимовой пустыни Алексия (Соловьева). Окормляться у старцев побуждал студентов Московской академии и ее ректор епископ Феодор (Поздеевский), который сам со студенческой скамьи был духовным чадом схиархимандрита Гавриила (Зырянова).

Об аскетике и политике

В предреволюционный период существования ученого монашества двумя ключевыми фигурами были епископы Антоний (Храповицкий) и Феодор (Поздеевский). Несмотря на то, что владыка Феодор принял постриг от преосвященного Антония и некоторое время почитал его своим духовным наставником, их взгляды на монашество впоследствии значительно разошлись. Следуя наставлениям своего духовника, старца Гавриила, владыка Феодор стремился возрастить молодые побеги ученого иночества, укоренив их в древней аскетической традиции. Впервые в истории русских богословских школ он ввел курс лекций по аскетике и сам читал их в Московской духовной академии с 1910 по 1916 год. В отличие от владыки Антония, который оправдывал светский образ жизни учено-административного монашества и считал, что ученые иноки призваны активно влиять на церковно-политическую жизнь России, епископ Феодор основной акцент в задачах ученого монашества ставил на созерцательной жизни и пастырском служении.

Всматриваясь в себя

На Съезде ученого монашества, проходившем в стенах Московской духовной академии с 7 по 14 июля 1917 года, епископ Волоколамский Феодор был основным вдохновителем работы — в принятых постановлениях можно усматривать существенное влияние его взглядов. Исходя из своего опыта, он считал необходимым, «чтобы ученые иноки с самого начала монашеской жизни были под руководством духовных старцев, как это было за последнее время в духовных академиях». Порицание распущенности и светского образа жизни некоторых иноков-преподавателей, особенно из периферийных духовных школ вдали от монашеских обителей, выразилось в запрещении заменять без крайней нужды скуфью шляпой,

стричь волосы и есть мясо. Ученым монахам возбранялось выпрашивать награды и повышения по службе, в обязанность же поставлено «охотно уступать первенство за богослужением старшим по посвящению», хотя бы и не получившим образования.

Съезд опровергал бытующее в обществе мнение, что «развал духовной школы зависел от участия монахов в административно-педагогическом деле», указывая на их «незначительный процент в общем числе начальствующих и учащихся»: в 1914 году среди преподавателей четырех духовных академий числилось только 19 монахов, включая четырех ректоров-епископов. Основную же часть ученого монашества составляли архиереи. Участники Съезда указывали на опасность, которая угрожает православно-богословской науке в том случае, если академии станут автономными (светские профессора стремились добиться административной независимости духовной школы от правящего архиерея). Предполагалось сохранить одну академию, а именно Московскую, на прежних принципах управления, «на началах строго церковных в смысле устава, дисциплины и быта, обеспечив ее профессорами из лиц священного сана (преимущественно монашествующих), а равно и мирян строго церковного направления».

Все функции по координации деятельности ученого иночества Съезд намерен был возложить на Всероссийский союз ученого иночества, который решено именовать «Иноческое церковно-просветительское братство». Это Братство должно было состоять из выборного на семь лет Председателя в сане епископа, Совета, действительных членов и членов-соревнователей. Последняя ступень введена для мирян. Первым в списке братчиков вписал себя председатель Съезда — архиепископ Московский Тихон (Белавин). Среди задач Братства были названы: во-первых, научная разработка высших богословских вопросов; во-вторых, религиозно-просветительская деятельность, учреждение школ пастырского и миссионерского характера, издательство, составление учебных руководств, переводы святоотеческих творений; в-третьих, благотворительная деятельность в целях просвещения и миссионерство. Заметим, что идея создания Братства и его Устав родились именно на Съезде ученого монашества, и последующее «Определение о монашестве» Поместного

Собора 1917–1918 годов во многом основывались на итогах Съезда.

Съезд вынес ряд решений, которые утверждали право монахов с высшим богословским образованием занимать административные и преподавательские должности в духовных школах наравне со светскими преподавателями. В случае освобождения от послушания на ученой стезе таковые иноки должны были «безропотно удалиться в монастырское братство».

В свете соборного разума Церкви

Уникальным явлением в жизни Русской Церкви был Поместный Собор 1917–1918 годов. Прочным основанием, позволившим выработать большое число важных постановлений об организации церковной жизни стала глубокая

Епископ Феодор (Поздеевский)

проработка вопросов церковного устройства еще до начала работы Собора, а также его представительность — более 500 участников, из которых 80 архиереев. Центральным деянием Собора, безусловно, было восстановление патриаршества 26 октября 1917 года. Интронизация Святейшего Патриарха Тихона особым образом объединила участников: «Собор, поначалу напомиравший парламент, начал преобразовываться в подлинный Церковный Собор. Дух Божий повеял над собранием, всех утишая, всех примиряя...»

Однако дебаты иногда разгорались не на шутку. При обсуждении доклада «Об Общем Положении для монастырей и монашествующих» несколько пунктов, регламентирующих пострижение в духовных школах, увлекли соборян в многочасовую полемику о минимальном возрасте постригаемых. Это послужило хорошим поводом для того, чтобы все высказались по волнующему вопросу. Но подоплека полемики состояла отнюдь не в попечении о том, чтобы юноши-академисты осознанно выбирали свой жизненный путь, — речь шла о служебной конкуренции. С трибуны прозвучало достаточное число обличений «специалистов своего дела — вербовщиков в кадры ученого монашества», а также разоблачений, прерываемых даже криками из зала: «Довольно! Хватит!», и вообще негативных оценок «особого положения» ученых монахов. Со стороны мирян много говорилось об отсутствии возможности исполнения обетов ученым иночеством: «Разве допустимо с точки зрения монашеского идеала жизни, чтобы человек чуть ли не на другой день после пострижения и произнесения обетов опять возвращался в мирскую обстановку Академии?»

Отвечая на прозвучавшие обвинения, владыка Анатолий (Грисюк) обратил внимание Собора на то, что наряду с богослужением «изучение священных книг считалось с древних лет для монахов самым важным делом. Изучение богословских наук является деятельностью, близкой по духу и по роду жизни для инока. Академия должна быть украшением Церкви. Там должны быть все лучшие силы, движущие нашу церковную жизнь».

По-своему этот взгляд поддержал А. В. Карташев: «Суть ученого монашества не во второстепенных уродливостях быта, а в его высшем оправдании, именно в его „десяти праведниках“, в элементах его подвижничества и вдох-

новенного служения Церкви. Но героический путь всегда трагичен, и нельзя отговариваться от пути героизма соображениями обывательской безопасности и умеренности». Он предложил неожиданный компромиссный путь решения проблемы: «Для такого рода жития, если он нужен Церкви, Церковь может принять особые, не монашеские, обеты и создать особого рода братский устав». Впрочем, идею особых обетов соборяне не одобрили.

Основные моменты Положения «Об ученом монашестве» стараниями епископа Феодора и архиепископа Серафима (Чичагова) приобрели вид, согласный с итоговой редакцией постановлений Съезда ученого монашества. Собор утвердил идею образования Всероссийского инокского церковно-просветительского братства и создание Братской духовной академии со своим уставом. Было решено предоставить Братству несколько монастырей, один из которых «непременно в Москве». Таковым фактически уже был Свято-Данилов монастырь, где настоятельствовал епископ Волоколамский Феодор. Однако революционные события не позволили осуществиться этому плану.

Монахи, историки и поэты

Таким образом, ученое монашество синодального периода, как и сама синодальная система, хотя и было изначально насаждено Петром для превращения Церкви в послушный инструмент светской власти, но благодаря трудам многих ученых иноков было воспринято в церковную жизнь как инструмент уже самой Церкви: с одной стороны, для глубокого и систематического изучения церковного Предания, а с другой — для проповеди Евангельского благовестия на языке секулярной цивилизации. Но как и в прошлых веках, так и ныне ученому монашеству предлежит подвиг, по слову святителя Василия Великого, «важнейший всех подвигов, — подвиг, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и со стихотворцами, и с историками, и с ораторами, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к попечению о душе».

Константин Юдин,
4 курс МДС

Приношение ученому монашеству

Мысли вслух

Митрополит Калининградский Кирилл,
председатель Отдела
внешних церковных связей

Институт ученого монашества подвергался критике еще в дореволюционное время: многие говорили тогда, что место монаха в монастыре, а при академиях остаются только те, кто стремится к карьерному росту. Хотя действительно получалось, что большинство архиереев были из ученых монахов, но подлинная причина не в том, что эти молодые люди были сплошь карьеристами. Епископские кафедры должны занимать люди, во-первых, имеющие духовный опыт и духовную подготовку — это дает пребывание в монашеском братстве, и во-вторых, люди достаточно образованные, способные становиться лидерами своего народа. Ученое иночество максимально соответствовало этим требованиям.

Выдающиеся иерархи начала XX века — митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Сергей (Страгородский) были горячими сторонниками ученого монашества. Оба иерарха много потрудились в качестве ректоров духовных школ и оба они особенно заботились об образовании для монашествующих, о создании в среде духовенства элиты в хорошем смысле этого слова.

Во второй половине двадцатого века продолжателем их дела был приснопамятный митрополит Никодим (Ротов). При его непосредственном влиянии в Ленинградской духовной академии сложилась группа монахов, занимавшихся научно-богословской и препода-

вательской деятельностью. Затронул этот процесс и Московскую академию. Владыка Никодим основал аспирантуру при Отделе внешних церковных сношений, в которой обучались многие монашествующие, ставшие впоследствии архиереями.

В нашей Церкви всегда были, есть и, я верю, будут молодые люди, желающие посвятить себя церковному служению и стать монахами, проявляющие в то же время значительный интерес к научно-богословской деятельности. Значит, должно существовать и ученое монашество.

Митрополит Боровский Климент,
управляющий делами
Московской Патриархии

Господь наш Иисус Христос в Святом Евангелии указал на то, что путь к жизни вечной открывается через познание Единого Истинного Бога. Однако богопознание возможно только при условии сердечной чистоты, которая есть результат покаянного устремления человека к Богу и ответного действия Божественной любви, очищающей сердце человека. Боговедение достигается правильной духовной жизнью и знанием вероучительных истин, к чему и призвано монашество.

На протяжении многовековой истории христианства на русской земле монастыри были духовными центрами, в которых люди получали спасительные знания о Боге и о Его творении. В современном мире, когда перед светским человеком остро стоят извечные вопросы,

связанные с осмыслением цели земной жизни, иноческие обители призваны помочь алчущим и жаждущим правды в обретении Пути, Истины и Жизни.

Важно отметить, что научные знания могут быть полезными для человека, если он не надмевается ими, а использует для прославления Создателя и во благо ближних. Только при таких условиях знания обретают подлинный смысл. Достаточно вспомнить о трудах и заслугах многих выдающихся ученых монахов XX века, например, таких как святитель-исповедник Лука (Войно-Ясенецкий) и священномученик Серафим (Чичагов). В наш век развития образования и науки, когда в храмы и монастыри приходят люди с высшим образованием, ученость для монашества — это насущная необходимость, которая помогает ему быть солью земли и светом миру.

Архиепископ Тихвинский Константин,
ректор Санкт-Петербургской
духовной академии

Два кита, на которых держится церковная наука — это ученое монашество и академическая профессура. Они занимаются научной работой и ничем больше. Однако сейчас людей, которые принимают монашество с тем, чтобы всецело отдать себя богословским наукам — невероятно мало. Это «штучный товар», с такими людьми надо «носиться». Хотя в Московских духовных школах благодаря влиянию Троице-Сергиевой Лавры есть приток молодых сил, но в целом наблюдается серьезный спад количества монашеских постригов. Даже двадцать лет тому назад, несмотря на давление со стороны государства, их было намного больше — около трети выпускников Академии носили ангельский образ.

Всю жизнь я считал, что самое счастливое состояние для монаха — заниматься не какой-либо иной, а именно научно-богословской деятельностью. Это состояние надо вкусить, в него надо окунуться — человек, который вкусил сладости научной работы, ее уже не оставит.

Архиепископ Верецкий Евгений,
ректор Московской духовной академии

Есть распространенное мнение, что быть монахом в духовной школе или в каком-либо церковном учреждении «не спасительно». К слову

скажу, такого суждения я не слышал ни от кого из духовно опытных монахов, всю жизнь проживших в монастыре. Споры нет — иноку лучше всего пребывать в монастыре. Однако нужно понимать, что в деле спасения решающую роль играют не монастырские стены, а дух монашеского братства, в котором воспитывается и возрастает от силы в силу новоначальный инок. Если ты реально, а не формально положил в основу своей жизни молитву и монашеские обеты послушания, целомудрия и нестяжания, то ты можешь совершать свое служение в самых разных обстоятельствах.

Хотелось бы, чтобы наши студенты во время учебы принимали решения, основанные на опыте Церкви и учитывали как внешние обстоятельства, так и свои собственные наклонности и устремления. Это будет для них залогом правильного определения своего жизненного пути, тем более, если они стремятся к монашеской жизни.

Игумен Дамаскин (Орловский),
член Синодальной Комиссии
по канонизации святых

Сегодняшнее положение церковной науки — прежде всего, отсутствие научных школ — требует от ученого чрезвычайных усилий, подвига. Но для ученого монаха научные исследования — это его аскетический путь, его послушание, которое при условии добросовестного исполнения становится его путем ко спасению. Однако наука не должна становиться самоцелью. Преподобный Иоанн Дамаскин, святители Афанасий Великий и Кирилл Александрийский тоже были учеными монахами, но их ученость не была абстрактной, они давали ответы конкретным людям на жизненно важные вопросы. Именно в силу такой практической направленности их труды и тогда принесли плоды, и теперь, через тысячу лет, не теряют своей актуальности.

В советское время христиане подвергались гонениям, и хотя сегодня открытых гонений нет, но интеллектуальное давление через прессу, то, что раньше называлось агитпропом, не ослабевает, а скорее наоборот, усиливается. И в этих условиях ученое монашество должно бы стать церковным интеллектом нации. Современные люди настолько духовно несамостоятельны и несведущи даже в самых простых церковных истинах, что ввести их в заблуждение с помощью средств массовой

информации не составляет труда. Церковная наука должна помочь человеку не заблудиться, не стать обманутым.

Игумен Андроник (Трубачев),
доцент Московской духовной академии

Наука — это дерево, которое произрастает от изобилия. Пока не будут решены внешние проблемы: строительство, восстановление храмов и монастырей, — наука будет отодвигаться на второй план. Обычная ситуация: встречаются настоятели монастырей, и один говорит: «У меня разведено такое-то стадо», — а другой: «У меня обрабатываются такие-то пашни». Но никто из них не скажет: «У меня организовано ученое братство».

А одиночки-энтузиасты всегда есть и будут, но судьба их очень сложная. Сколько я знал представителей ученого монашества, они, как правило, очень рано умирают: игумен Марк (Лозинский) умер в 44 года, архимандрит Иннокентий (Просвирнин) — в 54 года, архимандрит Георгий (Тертышников) — в 57. Это связано с тем, что наука требует очень больших нервных затрат, и это при том, что ученое монашество не освобождается от других послушаний. Впрочем, сам монах, конечно, получает пользу от своих «ненаучных» послушаний, но организм не выдерживает.

Поэтому современному ученому монашеству можно пожелать только терпения. Как говорил святитель Игнатий (Брянчанинов), крест каждого человека — это те условия, в которых он живет. Если церковная наука является не востребованной в той мере, в какой хотелось бы, то с этим надо смириться и делать то, что возможно.

Иеромонах Дионисий (Шленов),
заведующий Греческим кабинетом
при Московской духовной академии

На ученом монашестве лежит особая ответственность — не только за церковную науку, но и за самих себя. Занимаясь научной деятельностью, оставаясь на уровне логических дефиниций, нельзя забывать о деятельности внутренней и духовной. Нередко можно услышать, что занятие богословием — немалый труд, своеобразная аскеза сама по себе, но эта «переоценка» не совсем верна. Для ученого монаха изучение православного богословия и святоотеческих творений не должно превра-

щаться лишь в интеллектуальное упражнение, ему необходимо соотносить свою жизнь с учением Отцов, руководствоваться словами святителя Григория Богослова, что именно «делание есть восхождение к созерцанию».

Однако столь же неверно было бы недооценивать богословские занятия. Быть может, легче стать святым без науки, чем святым с наукой — в научной деятельности много подвохов. Святитель Василий Великий, перечисляя препятствия для молитвы и говоря о ее соотношении с физическим трудом, ничего не говорит о соотношении молитвы с трудом интеллектуальным. Но сам святитель Василий для нас является примером органичного сочетания духовности и учености, например, в своем «Шестоднев» он не популяризатор, не простец — а воистину ученый муж.

От делания по Матфею к видению по Иоанну

Беседа святителя Игнатия (Брянчанинова)
с архиепископом Леонидом (Краснопевковым)

16

«У меня, отец Леонид, будет просьба к Вам: не забывайте меня в своих молитвах. Это общение молитв необходимо для душ, которые больше или меньше симпатизируют между собою»,— так обратился к профессору Вифанской семинарии иеромонаху Леониду (Краснопевкову) архимандрит Игнатий (Брянчанинов), остановившийся на несколько дней в Троице-Сергиевой Лавре по дороге в Николо-Бабаевский монастырь. Шел 1847 год...

Их встреча на Литургии была неожиданна для обоих, но они узнали друг друга сразу. «Это отец Игнатий!— мелькнула мысль у молодого иеромонаха.— Тот самый человек, имя которого так часто было у меня на устах, человек, жизнь которого была мне примером жизни монашеской».

Последний раз они виделись в Петербурге десять лет назад, причем Лев Краснопевков был в воинском мундире. Следуя совету отца Игнатия, он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, и, прослушав часть курса, завершил свое образование уже в Московской академии. Со степенью магистра он был оставлен преподавателем Троицкой Вифанской семинарии, а в 1845 году принял постриг в Лавре преподобного Сергия. Новая жизнь поставила перед молодым иеромонахом множество вопросов, отнюдь не простых. Воистину Божиим даром стала для него встреча с

духовно умудренным архимандритом, и отец Леонид, выбрав время, пришел к нему за советом и наставлением. Беседа с опытным настоятелем и духовником Сергиевой пустыни дала столь богатую пищу душе ученого инока, что много лет спустя, уже будучи архиепископом Ярославским, он почти дословно помнил все сказанное. До нас дошли его келейные записки, собранные игуменом Марком (Лозинским).

Труды начинаются и так и сяк,
продолжаются кое-как
и кончаются ничем

После обедни отец архимандрит позвал меня, подали чаю и аккуратно нарезанный благословенный хлеб.

«Все в нашей деятельности,— начал я,— должно быть направлено к истине и добру, и это двойственное стремление должно иметь выражение прекрасное. Что касается жизни нетленной, меня затрудняет неумение предоставить всего вере, частое уклонение от простоты Христовой. Кроме того, какое-то равнодушие к полезному труду умственному нередко искажает благообразное течение моей келейной жизни. Причину этого равнодушия я вижу. Во все время моего духовного образования я был раздвоен между новой для меня наукой и тяжелыми семейными отношениями. От этого и еще от иных причин остались про-

*Архиепископ Ярославский и Ростовский
Леонид (Краснопевков)*

белы в духовной учености моей: их надо восполнить, а между тем, я уже в таком возрасте, когда другие давно действуют. Эта несвоевременность занятий ученических, эта безызвестность их убивает рвение. Я не пришел еще в уныние, я знаю по неоднократному опыту, что во мне есть энергия, что когда принимаюсь за труд, цель которого определима и близка, тогда я не знаю усталости. Случалось неделями просиживать ежедневно по 16 и более часов за работой, не теряя ни свежести в организме, ни бодрости духа. Но тут я видел близкую цель труда: как скоро цель эта скрывалась, я был не в состоянии просидеть и получаса за той же самой работой. В моей нынешней деятельности такие работы очень редки. Без прямой цели предпринимаемые мною труды начинаются и так и сяк, продолжаются кое-как и кончаются ничем. От этого в жизни получается какая-то неопределенная вялость, которая выносятся и в жизнь внешнюю. Душа начинает тяготиться всем: и келией и выходами, и делом и праздностью. Боишься, чтобы безуспешная борьба не повергла в уныние, и предаешься равнодушию. Пусть меня несет теперь, куда хочет, вал

страшный — девиз такого состояния души. Благодарю Бога, что сподобился благодати священства. Это одно поддерживает. Когда слишком тяжело и грустно, выпрашиваю у очередного иеромонаха дневную череду богослужений и потом на несколько времени успокаиваюсь. Начинаю часто с того, что после вечерни привожу в порядок свои комнаты, потом принимаюсь за работу, но и это до первой неудачи, до первой усталости или до первой встречи с приятелем. Как скоро сделал перерыв — все приходит в хаос. Оставляю келию и выхожу в жизнь — но и тут тьма недоумения. Затвориться в своей келии не могу: по своему характеру люблю уединения на время, для собрания в себя, но потом жизнь общественная необходима. Вижу пример великих подвижников благочестия, которые духовно образовывались в пустыне, и уже потом выходили в мир на дело свое: они выходили из пустыни уже победителями страстей. Для меня жизнь уединенная представляется опасной не потому только, что она выдвигает сильнейшие брани, но и потому еще, что мне непременно придется оставить свою келию прежде, нежели уединение приведет меня к каким-нибудь желанным результатам, и тогда в миру будет для меня хуже прежнего. Я вырос между женщин, встречался и беседовал с ними совершенно спокойно — по крайней мере, большей частью — а теперь, как ни желаю успокоить себя в беседе с женщиной — по крайней мере, с большей частью женщин — смотреть на нее прямо, говорить с нею просто, обращаться со всякой чистотой, а между тем прихожу в смущение при всякой встрече с особами другого пола. И вдобавок, я не знаю, должен ли совсем отказаться от этих встреч или только быть осторожнее и определить себе меру этих опасных отношений.

Надобно вообще сказать, что в этом определении меры непрестанно ошибаюсь. Думаю, что как в келейной, так и во внешней жизни каждый должен заботиться о благообразии во всех своих поступках, во всех своих положениях и отношениях. Но из благообразия в уборке жилища вдаюсь в щегольство благообразия, в многоглаголанье и кокетство; даже совершая богослужение, впадаю в тщеславие; сама свобода товарищеского обращения делается сетью празднословия, злословия, смехотворства; хороший стол непременно увлекает в чревообъядение. Вообще неумеренность и тщеславие — постоянно нападающие на душу враги. Остаться в этом нестроении особенно

помогает трудность следить за собою, давать себе частые и искренние отчеты, из которых можно было бы составить общий отчет для Таинства покаяния. Знаю, что должно искоренить основание того или другого греха, и тогда не будет греховных действий, и поэтому надо следить за всеми своими поступками, но в этом случае боюсь, чтобы преследование частностей не сделало меня скрупулезным, мелочным человеком; с другой стороны, опасаясь, что упущение из виду подробностей не послужило бы мало-помалу к угождению плоти».

Памятка ученому иноку

Отвечая на мои недоумения, отец архимандрит говорил больше часа, я слушал в сладость.

«Очень рад, что вижу Вас в чине монашеском и в сане священства. Это дает свободу и значение нашему собеседованию. В деле учения, отец Леонид, помните слова Христовы: *Всяк книжник, наученный Царствию Божию, подобен человеку домовитому, износящему из сокровища своего новое и ветхое* (Мф. 13:52). Не оставляйте науки светской, поскольку она служит к округлению духовных наук: приложение к духовному, чтобы *дать вопрошающему отчет в вашем уповании* (1 Петр. 3:15). Идите своею дорогой, но помните о светской науке, что она должна быть для Вас только орудием, а о своих богословских системах — что одна система есть скелет правильный, твердый, но сухой и безжизненный. Благодарите школу, что она дала Вам его и большего от нее не требуйте: она сообщила Вам все, что могла. Если мы будем говорить образно — в том экземпляре скелета, который достался на Вашу долю, есть пустоты, спешите наполнить их. Думаю же, что все это немного займет у Вас времени. Потом Ваше дело — навести красу, дать плоть костяку и оживить новое тело духом. Для этого нужно постоянное упражнение в чтении Слова Божия, молитва и жизнь по заповедям Божиим. Молитва оплодотворяет упражнение в Слове Божиим, и плод будет состоять в познании заповедей Божиих. Прочитайте святого Матфея и старайтесь жить по заповедям, изложенным в 5, 6 и 7 главах. Эта жизнь простенькая. Апостол Павел велит узнавать, *что есть воля Божия, благая и совершенная* (Рим. 12:2), и этим отсылает нас к начальным страницам Нового Завета, к святому Матфею, которого книга недаром занимает в нашем новозаветном каноне первое место. Исполняйте заповеди

деятельней и незаметно перейдете к видению по Иоанну. Не чувствительно перейти на небо, если научитесь ходить по земле. Укрепляйте себя в жизни по заповедям посредством чтения 17-ой кафизмы. Душа Ваша озарится и Вы воскликнете: *закон Твой светильник ногам моим и свет стезям моим* (Пс. 118:105); заповеди Божии станут как пестуны ходить за Вами. Таким только путем Вы созиждете на камне свою духовную обитель, в которую снидет Животворящая Троица, в которой будете Вы безопасны от знойного дыхания страстей и от потопа всяких бедствий. Недостаток такого внутреннего делания бывает причиной, что многие из наших ученейших священноначальников слабы духом, всегда боязливы и скоро впадают в уныние. Изучайте Писание согласно с учением святых Отцов. Для этой цели полезно заниматься греческим языком: у нас так мало хороших переводов учительных отеческих творений — Вы ознакомитесь с теоретической стороной Отцов, в деяниях Соборов узнаете их жизнь, что особенно поучительно. Исследуйте также и ереси: еретики становятся лукавы и жестоки сердцем и телом; поэтому сколько в историческом, столько и в психологическом отношении важно исследовать борьбу Церкви с этими домашними врагами.

Вообще работайте Господеви, не спешите с этим самообразованием — скороспелки не имеют вкуса; труды не пропадут: Бог видит их и принимает. Люди бывают непомерно требовательны, Бог — никогда. Он знает наши силы и по мере сил наших налагает на нас требования, приемлет усердие и чудесно восполняет недостатки. Делайте все ради Бога. Насколько правило это важно в учении, настолько же и в жизни. Вы находитесь в отношениях сына, обязанного пещись о своих родителях. Обязанность прекрасная. Вы захотели согласовать с нею жизнь монашескую и избрали дорогу училищной службы. Святой Кассиан рассказывает с похвалой об авве Архебии, который был вызван из своего уединения обязанностью сына и не потерял на небе мзды монаха. Будьте постоянны, спокойны. Формируйтесь в жизни общественной, и она совершит Вас; только помогаете ли родным, обращаетесь ли в обществе — все делайте для Господа, а не для плоти.

Не смущайтесь от преткновений, но ведите жизнь сокрушения и научитесь смиренномудрию: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50:19). Затворничество опаснее

может быть для Вас, нежели общество. Келия воздвигнет на Вас такую брань, какой Вы не вынесете, ибо душа Ваша еще находится под влиянием вещества, она еще не созрела. Идите своим путем, на время уединяйтесь, чтоб не дойти до рассеянности; потом выходите, да не одолеет Вас гордость или уныние. Выходите к обществу, как в свою школу. Будьте осторожны, но благоразумную осторожность отличайте от мнительности и мелочности. Возвратившись в келию, поставьте себя перед Богом, в сокрушении и в простой сердечной молитве исчислите свои согрешения и спокойно продолжайте свое внутреннее делание. Постоянное, но спокойное наблюдение за собою даст Вам способ приготовиться к верному отчету пред Богом, к исповеди плодотворной. Скажу Вам, что мнение святых Отцов о самоиспытании и исповеди таково: мы получаем от духовника отпущение грехов содеянных, а не тех, которые находятся в нас в возможности, склонности ко греху. Поэтому духовнику должно знать, в чем Вы и как прегрешили. Покажите ему, в каких грехах фактически выразилось греховное направление Вашей воли, откройте слабые стороны Вашей души через указание, какие грехи чаще поражали Вас, ничего не утаивайте, ничего не прикрывайте, не переименовывайте. Но избавьте исповедающего от перечисления пред ним всех мельчайших обстоятельств, всех подробностей, за которыми и сами Вы никогда не уследите. Духовник не поймет Вас, а себя Вы затрудните: оцезивая комара, проглотите верблюда. Заметив за собою грех, не забывайте его и со временем упомяните о нем на исповеди, представив его в чертах существенных и полных, а в подробностях, удобно ускользающих из памяти, принесите сердечное раскаяние пред Богом, повергнитесь пред Ним с осознанием своей мерзости, и, оставляя задняя, простирайтесь вперед. Изгоняйте грех, не будет и подробностей грехопадения.

Не будьте мелочны в образе жизни. *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12:2) — это первое. Ищите всюду духа, а не буквы. Ныне напрасно стали бы Вы искать обителей. Их нет, потому что уставы святых Отцов поражены, правила их рассеяны светскими указами. Но Вы всегда найдете монахов и в монастырях, и в общелитиях, и в пустынях, и, наконец, в светских домах и светских одеждах. Городские монахи — это явление особенно свойственное нашему веку: нынче не должно удивляться, встречая

*Святитель Игнатий (Брянчанинов),
епископ Кавказский и Черноморский*

монаха во фраке. Поэтому не должно привязываться к старым формам: борьба за формы бесплодна, смешна — вместо того, чтобы побеждать и назидать, она раздражает противников или вызывает их презрение. Форма как внешность — случайность, а случайность проходит, одна Истина пребывает во веки. *Истина свободит вы* (Ин. 8:32), а Истина есть Христос. Облекитесь во Христа — и Вы явитесь в самой лучшей, в самой древней и вместе с тем в самой современной одежде. *Христос вчера и днесь Той же и во веки* (Евр. 13:8)».

Так говорил мне отец Игнатий, и мне особенно приятно было, что в его словах было много нового, но было и довольно таких мыслей, которые, не будучи долею общественного мнения, давно были собственными моими. Я был рад проверить их в таком человеке как в верном зеркале. Я благодарил отца архимандрита за беседу, которая в Лавре святого Сергия была как бы продолжением той, что ровно за десять лет была начата в пустыни святого Сергия. Хотелось быть еще и еще с ним, но я знал, что он сам спешит в дальнейший путь. С приветом своего любезного слова и очаровательной улыбки он с благожеланием простился со мною. Я отдал ему от полноты души глубокий поклон, он поклонился, вижу, еще ниже — и кончилось тем, что мы пали друг другу в ноги.

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

Переписка святителя Филарета,
митрополита Московского и Коломенского,
и преподобного Антония Радонежского,
наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

20

Дошедшее до нас эпистолярное наследие святителя Филарета (Дроздова) чрезвычайно богато, и особое место в нем занимают письма владыки преподобному Антонию (Медведеву), наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры — их насчитывается более полутора тысяч. Эта переписка, пожалуй, как никакой иной письменный источник позволяет понять образ мыслей владыки, увидеть переживание и осмысление им каждого события. Письма становятся для читателя живым, практическим богословием, тесно связанным с жизнью. В них можно найти и обсуждение трудных вопросов духовной жизни, и толкование Священного Писания, и взаимные советы, и обмен впечатлениями о современной жизни, и размышления над важнейшими церковными событиями. Встречаются в переписке и разногласия, и непонимание, однако стоит поучиться тому, как разрешали Святитель и преподобный Антоний эти немирные ситуации — с открытым сердцем, с прощением и забвением обид.

К сожалению, почти не сохранилось писем преподобного Антония: Святитель уничтожал частную переписку, дабы не подвергнуть какой-либо опасности собеседников: «Писем я обыкновенно не берегу, а предаю их огню, кроме тех, которые нужны по какому-нибудь

продолжающемуся делу, или которые могут составить полезное воспоминание, никого не оскорбляющее».

Смирение и послушание

Большинство современников, оставивших нам воспоминания о святителе Филарете, в один голос указывают на его особенное смирение, которым он обладал, несмотря на высокое положение в обществе. Святитель Филарет, имея прекрасные природные способности, глубокие познания во многих богословских и светских науках, начитанный в творениях святых Отцов, придавал своим знаниям и своему положению второстепенное значение. На первое место и словом, и делом, и всей своей жизнью он ставил послушание и ненадеяние на самого себя. «Можно подивиться премудрости нынешних людей,— писал он ректору Московской духовной академии архимандриту Алексию (Ржаницыну),— прослужив тридцать лет в архиерейском звании, я чувствую в некоторых случаях нужду советоваться с протоиереями, учениками моих учеников, а они не находят подобного нужным. Я только желаю, чтобы смиренная мысль помогала нам быть осторожными». Богопросвещенный Святитель в течение всей своей жизни считал

себя обязанным советоваться с окружающими, в первую очередь — со своим духовником, преподобным Антонием, хотя тот не получил систематического образования и даже писал с грамматическими ошибками.

В переписке очень ярко предстает перед нами то взаимное послушание, которое святитель Филарет являл преподобному Антонию как своему духовнику, а преподобный Антоний оказывал Святителю как настоятелю Троице-Сергиевой Лавры. Достойны удивления братская любовь и забота, которые на протяжении многих лет оказывали друг другу Святитель и Преподобный.

Избрание настоятеля

Знакомство преподобного Антония со святителем Филаретом произошло в Москве в 1824 году. Молодой иеромонах понравился владыке здравостью своих суждений и резким неприятием того увлечения мистицизмом, которое господствовало тогда среди российской интеллигенции. В 1831 году скончался наместник Лавры архимандрит Афанасий (Федоров), и Святитель вспомнил об иеромонахе Антонии как о возможном кандидате в наместники. Однако в вопросе выбора наместника проявился обычай святителя Филарета не сразу доверять своим мыслям, а проверять, согласны ли они с волей Божией. «Мысль, которую я вчера имел, но не успел сказать, сегодня, предварив меня, сказал мне другой, и сие внезапное согласие сделалось свидетельством того, что она пришла не даром». Этот «другой» был простым странником.

Предел и мера

Первые несколько лет после назначения отца Антония наместником Лавры его отношения с настоятелем монастыря — владыкой Филаретом — носили формальный характер, это был период привыкания Преподобного к требованиям Святителя. Неоднократно архимандрит Антоний вызывал нарекания митрополита тем, что совершал в Лавре некоторые действия без его благословения и не сообщал всего того, что настоятелю Лавры необходимо было знать. Владыка наставлял его такими словами: «Всякий человек по мере сил и принятой обязанности должен назначить себе пределы действия и не переходить их без нужды. Так сохраняют и силы в действовании, и дело идет

лучше, нежели когда хотят гнаться за двумя зайцами сразу».

Обладая живостью, горячностью, непосредственностью характера, преподобный Антоний иногда переступал пределы своих полномочий, оправдываясь необходимостью внимания к ближним. А Святитель в этом внимании часто усматривал проявление человекоугодия. Так, принимая в Лавре митрополита Иону (Васильевского), бывшего экзарха Грузии, преподобный Антоний оказал ему бóльший почет, чем того требовал обычай. Святитель в связи с этим писал: «Но не худо знать, что наместник должен делать то и столько, что и сколько поручается от местного начальника; и никакой подчиненный не имеет права жаловать высшего почестями по своему произволу, а все должно быть по уставу и по обычаю. Если я понимаю непринадлежность почести, мне отдаваемой, то я огорчен и могу огорчить сделавшего почестью; а если мне полюбилось, то меня ввели в грех».

Особенно строго святитель Филарет относился к человекоугодию в собственный адрес. Сообщая в июле 1831 года отцу Антонию о своем намерении приехать в Лавру, он добавляет: «Однако во всяком случае не излишне предварить Вас, чтобы меньше занимались ожиданием; особенно если приеду во время церковной службы, чтоб никто не оставлял своего места в церкви».

В другой раз, движимый стремлением сбегать чувства митрополита Филарета, преподобный Антоний во время эпидемии холеры 1830–1831 годов не сообщил ему о смерти двух богомолиц в лаврской гостинице. Святитель, узнав об этом от посторонних лиц, укорял наместника: «Вы не сказали мне об умерших, чтобы не беспокоить меня. Но примечаете ли Вы последствия Вашего правила? Вы не хотели беспокоить меня на час или на день, смотря по моему терпению или нетерпеливости. Но что же сделалось? Когда я знаю, что от меня таят худое, чтобы не беспокоить меня, то каждую минуту думаю: может быть, есть что-нибудь худое, но от меня таят. Итак, Ваше правило, чтобы не беспокоить меня на время, лишает меня спокойствия навсегда и осуждает на непрерывное опасение. По моему мнению, только на истине и правде можно основать спокойствие себе и другим». В иной раз Святителю не сообщили о том, что горела академическая баня: «Проговорились Вы, сказали правду, которую от меня таили. Договаривайте

Преподобный Антоний (Медведев)

же: когда загорелась баня академическая? Почему мне не донесено о сем от Собора? или Собор рассуждает донести уже тогда, когда Академия сожжет Лавру?»

На самочиние наместника святитель Филарет реагировал сразу, но замечания делал просто, без гнева и пристрастия, и нередко случалось, что впоследствии, видя полезность начинаний преподобного Антония, владыка соглашался с ними, полностью прощая ему проявленную самостоятельность. Постепенно преподобный Антоний навикал требованиям святителя Филарета. Ситуаций, вызывающих смущение, становилось все меньше и меньше.

Духовник

В 1834 году отношение святителя Филарета к преподобному Антонию встает на совершенно новую основу: владыка выбирает его своим духовником.

Когда преподобный Антоний обратился к Святителю с необычным письмом, в котором просил его дружбы, то получил достаточно неожиданный для себя ответ: «Я назвал тебя другом давно в расположении сердца моего; когда же Провидение Божие устроило, что тебя именовал и отцом в Таинстве, то уже твоей душе остается решить, до какой степени хочет

она не чуждаться униженной души моей. Господь же, призывающий всех к единению и обещавший быть там, где хотя бы двое собраны (без сомнения, общением и единением духа) во имя Его, да благословит сие общение и да управит оное к спасению душ наших».

Преподобный Антоний был поражен этим признанием Святителя и выразил опасение превознестись от такого к нему благоволения. На это опасение владыка отвечал, что не различие в чинах имеет перед Богом значение, а *сокровенный сердца человек* (1 Петр. 3:4): «Что за случай бояться возношения? Друг твой стоит несколько выше в видимом чине? — Но не на сие смотрит Бог, а на глубину сердца. Друг твой есть бедное существо, труждающееся и обремененное? — Но и таковых призывает кроткий и смиренный сердцем Иисус. И мняйся стояти да блюдетя, да не падет (1 Кор. 10:12). Не высокоумствуй, но бойся».

Достигнув высоты церковного и общественного положения, Святитель всегда поступал согласно словам Премудрого Соломона: *спасение есть во мнозе совете* (Притч. 11:14). Некогда архимандриту Афанасию, предшественнику преподобного Антония на должности наместника Лавры, он говорил: «Берегитесь самонадеяния, берегитесь поступать по первым движениям собственной воли, рассуждайте о всяком деле со вниманием: очень мало дел, которые безопасно было бы делать как получится, советуйтесь часто со старшими и благонамереннейшими из братии».

Учите меня, как тут жить

Постепенно душа святителя Филарета все больше раскрывалась преподобному Антонию. Находясь на сессии Святейшего Синода, владыка сообщает о трудностях жизни Петербурга: «Не все так же кажется мне в Петербурге, как казалось прежде. Что-то меньше единства и более движения посредством пружин посторонних», — и просит: «учите меня, как тут жить, и молитесь о мне».

Как-то, будучи сильно расстроен сообщением о недостатке нескольких тысяч рублей, случившейся из-за небрежности Духовного собора Лавры, святитель Филарет написал отцу Антонию строгое внушение. В конце письма были слова: «Сие написано в первые минуты по известии о недочете у бывшего казначея. Теперь я желал бы, чтобы говорено было тише. Но так уже и быть. Прочитайте написанное,

по крайней мере, как исповедь, что я думал по получении известия».

Святитель Филарет нередко обращался за советами к преподобному Антонию по «кадровым» вопросам даже в тех случаях, когда они не входили в компетенцию наместника Лавры. Например, Святитель спрашивал, что ему делать с инспектором Академии архимандритом Платоном (Казанским), который попал под влияние мистика Дубовицкого и, несмотря на все увещания, не прекращал общения с этим человеком.

Только благодаря полному доверию святителя Филарета наместнику Лавры стало возможным устройство Гефсиманского скита: «Скита не было бы, если бы на Вашем месте был другой, даже из пользующихся моею доверенностью. Только полная доверенность к Вашему духовному рассуждению и к чистоте намерения расположила меня решиться на это дело, не принимая в расчет возможных неприятностей за несоблюдение форм перед начальством».

Ученые вопросы

При строительстве Троицкой (ныне Ярославской) железной дороги святитель Филарет, признанный канонист, не доверяя своему мнению, обращается к отцу Антонию с вопросом канонического характера: «Взятие акций не будет ли значить, что мы отдаем деньги в рост, и этот рост брать будем из рук богомольцев, которые будут платить на железной дороге свои трудовые лепты? Не говорят ли против сего правила церковные: 44-е Апостольское правило и 17-е правило Первого Вселенского Собора? Желаю иметь от Вас ответ на сии сомнения, прежде нежели решусь на что-нибудь».

Удивительно и доверие святителя Филарета «неученому» наместнику Лавры в научно-богословских вопросах, в чем он и сам признается: «Я преимущественно перед богословами обратился к Вам с оным вопросом (о почитании Божией Матери в различных иконах — *ред.*), по доверенности к разумению и к искренности Вашей». Святитель часто отправлял рукописи своих бесед и проповедей на рецензию отцу наместнику: «Прочитайте прилагаемую тетрадь и рассудите, отдать ли ее нашим издателям». Замечания отца наместника владыка принимал с искренней благодарностью и просил: «Не знаю, сказать ли: смотрите за мной строже. Скажу по крайней мере: смотрите за мной не слишком снисходительно».

Святитель Филарет (Дроздов)

Посылая наместнику извлечения из творений преподобного Ефрема Сирина, он спрашивает: «Я написал и заглавие, и предисловие; прочитайте и скажите мне беспристрастно, походит ли это на дело, и может ли не без пользы быть употреблено к народному наставлению посредством издания?» В другой раз он отправляет наместнику «Письма святогорца» с вопросом: «Хорошо ли давать сей книге свободный ход?» Заботясь о сохранении духовного смысла, владыка благословил преподобному Антонию сверять со старым текстом каждую главу нового перевода «Лестницы». Другим случаем проявления глубочайшего доверия к духовному опыту отца Антония являлась просьба составить краткое пособие об Иисусовой молитве: «Не напишете ли Вы о сем краткое наставление, примененное к общему употреблению и к людям, которым недостает близкого наставника?»

Триумфальная арка

Один из ярких случаев послушания святителя Филарета преподобному Антонию связан со строительством в 1834 году Триумфальных ворот в Москве. На возводимых воротах были изображения языческих богов, поэтому духовник советовал митрополиту отказаться от их

освящения. Последовать этому совету было нелегко — под угрозу ставились отношения с императором Николаем I.

Когда владыке объявлено было, чтобы освятить ворота, он приехал в Лавру и передал отцу Антонию, что находится в борьбе помыслов. Совесть говорит: «не святи», — а все говорят: «святи!»

— Ты что скажешь? — спрашивает владыка у отца Антония.

— Не святить.

— Будет скорбь.

— Потерпите.

Флигель-адъютанту, прибывшему сообщить владыке желание императора освятить ворота, митрополит ответил: «Слышу». На повторный вопрос последовал тот же ответ: «Слышу». Когда недоуменный флигель-адъютант спросил о том, что же передать императору, получил такой ответ: «А что слышите». После передачи императору этих слов Николай I только и произнес: «Так, я понимаю. Приготовьте лошадей: сегодня я уезжаю».

После этого владыка появился в Лавре крайне смущенный.

— Вот какая скорбь пришла!

— Это и прежде видно было.

— Да уж хорошо ли я поступил: раздражил государя? Я не имею достоинств святителя Митрофана!

— Да не берите их на себя, а помните, что Вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно — разойтись с волей Божией.

Они толковали до глубокой ночи, но владыка остался в смущении. Поутру рано присылает за отцом Антонием, и уже сияющий, говорит: «Пойдем, поблагодарим преподобного Сергия. Он мне явился чувственным образом. Я заснул, а был уже час пятый, как послышался шорох в дверях. Я проснулся, привстал: дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась, и вошел Преподобный, старенький, седенький, худенький и росту среднего, в мантии, без епитрахили и, наклонясь к кровати, сказал мне: „Не смущайся, все пройдет...“ И скрылся. Спасибо, Антоний, ты говорил мне против всех».

Святые о святых

Еще одна сфера духовного общения Святителя и Преподобного — это рассказы архимандрита Антония о подвижниках, прежде всего о саров-

ских преподобных Серафиме и Марке, к памяти которых владыка Филарет проникся глубоким почтением. Однако при публикации возникли сложности из-за чрезмерно осторожно настроенного Синода. Святитель сообщает: «Дело о житиях отца Марка и отца Серафима не так хорошо продолжалось, как началось. Наш Первенствующий осторожность от ложных чудес употребляет иногда в большом избытке». Но святитель Филарет был категорически против какого-либо умолчания о чудесах и видениях старца Серафима: «Исключить из жизнеописания сказания сего рода, мне кажется, было бы похоже на святотатство». Чтобы продвинуть дело публикации, Святитель редактирует первоначальную рукопись с поучениями. Посылая ее преподобному Антонию, он спрашивает о проделанной правке: «Я позволил себе переменить или дополнить некоторые выражения, частью, чтобы язык был правильнее, частью, чтобы мысли, не довольно полно или не довольно обыкновенно выраженные, оградить от неправильного разумения или от прекословий. Посмотрите и скажите мне, можно ли думать, что я не переиначил и не повредил где-либо мыслей старца». Впоследствии разрешение на опубликование жития и поучений преподобного Серафима от Синода было получено, и книга вышла в 1841 году.

Испытание дружбы

Тяжелым испытанием для них стал 1847 год. В начале осени преподобный Антоний прислал Святителю откровенное письмо, в котором ставил ему в вину то, что тот ни одного предложения не принял с доверием, а все подвергал критике. В ответ владыка писал: «Приведя примеры, Вы делаете обширное заключение, что „ни одного предложения Вашего не приемлю я с доверенностью“. Желал бы я иметь посредника, которому бы мы оба могли доверить рассмотрение сего. Не имею столько доверия к себе, чтобы надеяться быть правым, но думаю, что виновность моя оказалась бы не столь сильною, и сие уврачевало бы и Ваши, и мои помыслы. Мне кажется, на вопрос, к кому я имею особенную доверенность, всякий указал бы на Вас». На этих словах святитель Филарет мог бы и закончить, приписав снисходительно: «Буде Вам, отец наместник», — но он идет дальше: «Не думал я, что мне нужно доказывать, что имею к Вам доверенность: но, если нужно, рассмотрите мои доказательства», —

Триумфальная арка у Тверской заставы (построена в 1829-1834 годах, разобрана в 1936 году, восстановлена на Кутузовском проспекте в 1968 году)

и далее подробно отвечает на все обвинения в недоверии.

Их дружба выдержала это испытание. Уже в следующем письме Святитель пишет: «Письмом Вашим Вы меня успокоили: и сами не беспокойтесь. Только и я теперь скажу: доверяйте мне несколько больше, и в чем помысел Ваш не мирен ко мне, сказывайте, не накапливая таких помыслов, отчего смущение и затруднение увеличивается. Господь да простит нас во всем, и в том, что теперь пишу».

Монашество деятельное и созерцательное

В письмах святитель Филарет признавался отцу наместнику, что тот своей ревностью и решимостью не раз вдохновлял владыку на предприятия, к которым первоначально Святитель относился прохладно. Особенно влияние отца Антония проявлялось в отношении дел милосердия. Святитель пишет: «Бог благословит заботу Вашу, отец наместник, о нищих людях Божиих. Хорошо, что и мою леность побуждаете к ревности». Усердиями отца архимандрита была налажена широкая благотворительность Лавры: строительство двух больниц, дома призрения, здания новой Сергиево-Посадской тюрьмы, устройство иконописной мастерской, училища для детей бедных родителей, питание странников и многое другое.

Святитель осторожно излагает мысль о том, что монастырю не стоит оказывать столь широкую помощь бедным: «Что сделаешь?.. Правительство заботится, действует и много денег употребляет... Думаю, что наше средство в отношении к общему положению есть только молитва о еже избавитися нам от глада, губительства и прочего». Однако преподобный Антоний настаивал, что помимо богослужения необходимо уделять внимание и задачам «вспомогательным», чтобы исполнить заветы самого основателя Лавры — преподобного Сергия. То настойчивостью, то выбором благоприятной минуты он добивался согласия митрополита на свои нововведения в Лавре. Уже незадолго до своей кончины святитель Филарет выражает признательность отцу Антонию за побуждения к большей ревности в милосердии: «Благодарю, что указываете мне на добродетели праведного Филарета Милостивого, побуждая меня тоже творить. Далеко до сего: но да не совсем безделен отыду, возбуждайте меня споспешествующими Вашими молитвами. Благо есть, по Апостолу, *разумевати друг друга в поощрении любве и добрых дел* (Евр. 10:24)».

Преподобный Антоний, так много служивший ближним в должности наместника Лавры, в то же время стремился к безмолвию. Он писал Святителю осенью 1837 года, прося его благословения на то, чтобы уединяться каждый месяц на несколько дней. Владыка, считая,

Духовской храм Троице-Сергиевой Лавры с приделом святого Филарета Милостивого

что призванным к общественному деланию бесполезно долгое безмолвие, благословил ему не более суток в каждом месяце.

Все же зимой 1840 года отец архимандрит решил обратиться с просьбой о своем увольнении с должности ради безмолвия. Святитель Филарет ответил ему со всей искренностью: «Желание Ваше удалиться принесло мне такой помысл печали, который неохотно разрешается в рассуждения и слова. Кроме сего, душа моя находит благо в общении с Вами. Вспомните, что Вы просили моей дружбы, тогда как я уже имел ее к Вам, и просьбу Вашу принял как залог и обещание с Вашей стороны искреннего со мною общения». И ободряя преподобного Антония, допускавшего помыслы, что его должность только препятствует полноценной монашеской жизни, добавляет: «Не бегите от Преподобного Сергия; милость его к Вам есть, и молитвы его сильны, чтобы за терпение служения Вашего воздать и возмерить Вам тем, чего ищете в удалении».

Впоследствии отец Антоний полностью смирился со своим положением, в которое был поставлен Промыслом Божиим. Среди размышлений и выписок, сделанных рукой преподобного Антония, мы находим следующее: «Ученик спросил старца: отче, что есть пустынное житие? Отвечал старец: пустыня везде, где обитает безмолвие ума, утишение страстей,

безмятежность души, смирение сердца. И там пустыня, где не угасает светильник молитвы, где общение человека с Богом не нарушается никакими плотскими помыслами, где огонь любви горит тихим пламенем, до небес досягающим. Пустыня там, где Христос и Его благодать, где Его освящение». А на отдельном листе им были записаны слова преподобного Серафима: «Будьте милостивы, к милости прибегайте и в словах, и в делах, и в помышлениях, ибо милость есть жизнь души. О милости и немилосердии суд примем».

Мир иной

В ноябре 1867 года святитель Филарет скончался. О его смерти отец Антоний писал: «Мы осиротели усопшим владыкой. Я лишен в смерти его не только отца, но друга и покровителя. Он не только Церкви Российской, но всему христианству был светильник. Россия будет повсюду возносить о нем молитвы как дань любви и благодарности». И в другом письме: «Скорбь моя о лишении отца и друга и владыки тяжело легла во мне. Если бы можно, ушел бы в пустынную келью, устранился от дел и людей».

В 1868 году стали распространяться слухи, что отец Антоний отказывается от должности наместника Лавры. На вопрос о действительности этих слухов он отвечал: «Если не сами мы взяли власть начальствовать, то не должны сами и снимать ее с себя. *Несть власть, аще не от Бога* (Рим. 13:1) — Богу надобно предоставить и освободить нас, и Он сделает это, когда Ему угодно будет. Тогда и совесть будет мирнее, и охранение Промысла Божия будет с нами». В течение еще десяти лет отец Антоний нес послушание наместника Лавры, перенося вдобавок и тяготы своих тяжелых болезней. 12 мая 1877 года он отошел ко Господу, и тело его было погребено подле владыки — в церкви во имя праведного Филарета Милостивого, примыкавшей к Духовскому храму Лавры.

Отношения Святителя и Преподобного на протяжении тридцати шести лет — образ удивительной дружбы двух великих мужей. Каждый из них находился у другого в послушании, и идя рука об руку на протяжении стольких лет, каждый из них помогал спасению другого, где советом, где замечанием, где утешением, где заботой, и всегда — взаимной молитвой.

*Алексей Кнутов,
2 курс МДС*

Зачем Церкви наука?

Интервью с Сергеем Леонидовичем Кравцом,
руководителем Церковно-научного центра
«Православная энциклопедия»

Сергей Леонидович, сегодня Вы возглавляете один из масштабных церковных проектов — издание Православной энциклопедии. Скажите, пожалуйста, как складывался Ваш жизненный путь?

Если говорить о влиянии на выбор жизненного пути, то, наверное, надо упомянуть трех человек. В годы студенчества, когда я учился в Университете — это Игорь Иванович Виноградов, литературовед, заведующий отделом литературной критики в «Новом мире» — именно ему я обязан своим интересом сначала к русской религиозной философии, потом к религиозной жизни — собственно, он мой крестный. Потом, несомненно, повлиял Алексей Федорович Лосев, которого мне удалось застать уже в последние годы его жизни, с ним общаться, работать, писать о нем, готовить его публикации. И до сих пор большое значение в моей жизни имеет отец Андроник (Трубачев), с которым мы дружим уже очень многие годы. Его совет во многом определил мою жизнь. В 1989 году мы с женой были готовы уехать в Германию, мне давали профессорскую Гумбольдтовскую стипендию, чтобы я писал монографию о русских религиозных мыслителях на основании их архивов в Германии — работа замечательная. Но наша поездка, хотя все было готово, не состоялась именно из-за отца Андроника, который как раз в это время был поставлен наместником Валаамского монастыря. Он стал насмерть: «Мы столько лет мечтали, что

у нас будет свое издательство, что мы будем издавать те книги, которые хотим: труды отца Павла Флоренского, книги по истории Церкви, по истории философии — а ты убегаешь!» И мы остались и организовали издательство Валаамского монастыря. До того момента я предполагал заниматься наукой, и супруга моя тоже собиралась продолжить изучение греческих схолий преподобного Максима Грека: об издательской деятельности, тем более об издании энциклопедии мыслей не было никаких.

Как получилось, что работа в издательстве Валаамского монастыря переросла в создание центра по изданию Православной энциклопедии?

Сначала наше издательство было очень маленьким, мы почти не делали новых книг, в основном занимались репринтами, однако всегда издания сопровождалось комментариями, писались вступительные статьи. Кое-что сделали из нового: перевод на русский «Просветителя» преподобного Иосифа Волоцкого и жития преподобного Сергия Радонежского, был собран двухтомник преподобного Серафима Саровского. Но с 1993 года, когда было принято решение о научном переиздании «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), началась совершенно другая работа.

Сразу стало очевидно, что ни сил нашего издательства, ни даже сил всех церковных ученых не хватит на то, чтобы сделать новое

С.Л.Кравец со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II

комментированное издание, обновить всю библиографию, внести необходимые уточнения. Тогда мы пошли на соединение церковных ученых с большой группой историков Академии наук, и выяснилось, что это очень работоспособное объединение. Первоначально все очень боялись: церковные ученые боялись высокомерия со стороны академических, говоря: «У них там ни служб, ни преподавания, ни послушаний нет, сидят себе в архивах — конечно, они лучше знают». А светские боялись такого отношения, что, мол, «вы ничего не понимаете в нашей церковной истории, а лезете». Однако и те, и другие опасения оказались совершенно напрасными, и сложился очень хороший коллектив, основанный на взаимном уважении.

Удачный опыт издания «Истории Русской Церкви» привел в 1996 году к решению о создании Церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Но было очевидно, что без государственной поддержки Церковь не сможет издавать энциклопедию. Я помню слова Святейшего Патриарха: «Представить себе менее подходящее время для работы над

энциклопедией трудно. Но другого у нас нет». И мы решились.

У энциклопедии есть такой промежуток времени в полтора-два года, когда затраты огромные, а выхода никакого, потому что занимаешься словниками, методиками, публикационными принципами, создаешь компьютерную базу... К концу февраля 1998 года денег оставалось на одну зарплату. И мы уже были готовы сократить штат до пяти человек, чтобы хоть как-то кодифицировать то, что наработано — но 3 марта вышел указ Президента о работе над «Православной энциклопедией». Государство сразу выделило полмиллиона долларов, но важнее денег был статус: энциклопедия издается под эгидой Президента.

За 1998–1999 годы мы сформировали творческий коллектив. Сейчас он огромен, я даже всех сотрудников по именам не знаю. Когда-то нас было 20 человек, сейчас — полторы сотни, об авторах я вообще не говорю — их более тысячи, со всех концов земли. Сначала были только московские и санкт-петербургские уче-

ные, постепенно присоединились отовсюду краеведы, церковные историки, музыковеды, искусствоведы, литургисты... Так что сейчас нет ни одного континента, где бы не писались или не рецензировались статьи.

На сегодня энциклопедия — это одна из наиболее свободных церковных организаций, поскольку в первую очередь она является научной, и церковно-политическая обстановка на нее мало влияет. Например, в 1999 году в Джорданвилле с митрополитом Лавром мы заключили соглашение о том, что история Русской Зарубежной Церкви будет или писаться их авторами и рецензироваться нашими, или наоборот: писаться нашими, а рецензироваться в Джорданвилле. Сотрудничество с ними идет, мне кажется, очень удачно, в итоге мы получаем достоверные сведения. Как другой пример, даже в самые сложные периоды взаимоотношений с Римом статьи в энциклопедию о реалиях Ватикана писали ватиканские же кардиналы и епископы, потому что нам важно получить наиболее достоверную и актуальную информацию. Вне зависимости от церковно-политических проблем наука дает очень хорошее поле для взаимодействия.

Когда в Ватикане происходила презентация «Православной энциклопедии», в составе делегации была Елена Юрьевна Гагарина, директор музеев Кремля, дочь Юрия Гагарина. Атмосфера была очень радужная, и кардинал Шпидлик пошутил: «40 лет назад в космос летал Гагарин, вернулся, и Хрущев говорит: „Вот Гагарин летал, Бога не видел. Значит, Бога нет“. Прошло 40 лет, и его дочка привезла в Рим и представляет Православную энциклопедию. Что это значит? Это значит, что Гагарин Бога видел, только Хрущеву не сказал». Кстати, при подготовке сюжета из Звездного городка для телепрограммы «Православная энциклопедия» мы узнали, что слова Гагарина были следующими: «Кто на Земле Бога не знает, тот Его и в космосе не найдет».

Сергей Леонидович, кто является основным вдохновителем проекта Православной энциклопедии?

Своим существованием, направлением своей жизни, своими успехами мы полностью обязаны Святейшему Патриарху, но не в том смысле, что он осуществляет представительские или организаторские функции, и даже не в том, что он возглавляет Церковно-научный центр. Главное, что работа над энциклопедией нашла действительно глубокий отклик в его

душе. Когда мы начинали делать «Историю Русской Церкви», меня поразило его профессиональный подход. Разговор с Патриархом был разговором не столько с церковным деятелем, сколько с церковным историком, который знает и архивы, и систему работы, не только хорошо владеет общеизвестным материалом, но и является специалистом в каком-то конкретном разделе истории.

Когда мы готовили к публикации его книгу «Православие в Эстонии», мы ее прогнали через все те тернии, которые обычно проходят научные книги, в том числе и через внешнее рецензирование без указания автора, и получили очень хорошие отзывы. Книга получилась замечательная. Патриарх по своему внутреннему складу — несомненно архивист, а его личный архив по Эстонии — бесценный клад. На протяжении многих лет архиерейства в Таллине он из года в год служил в один и тот же праздник в одном и том же храме, и как человек очень систематичный каждый раз записывал, сколько у него было народа на помазании, сколько причащалось, сколько возле церкви стояло подвод, мотоциклов, автобусов, даже сколько велосипедов с точностью до единицы! И когда мы получили в руки эти огромные таблицы — по всем храмам и на протяжении 25 лет — это был, конечно, бесценный материал. Потому что иначе надо пользоваться отчетами уполномоченного в Совет по делам религий, которые зачастую очень сильно искажают действительность. А здесь — классический статистический учет. Но даже не это главное, а сам тип мышления, то, что интеллектуальная составляющая жизни безусловно признается Патриархом ценной и одной из важнейших, и что даже при всей загруженности у него есть внутренняя необходимость в научной работе.

Эта черта Его Святейшества определила наше существование, потому что мы — та структура, которая помогает реализовывать эту потребность в интеллектуальной жизни и работе. Мне кажется это очень важным. Чем больше будет людей, особенно среди высшего духовенства, которые или имеют с детства, или благоприобретают эту интеллектуальную потребность, тем, конечно, науке в Церкви будет лучше.

В какой мере Святейший Патриарх вовлечен в работу над текстами?

Конечно, он не может прочитывать все сотни страниц энциклопедии, но всегда участвует в

работе над наиболее сложными статьями, где нет устоявшейся точки зрения, где нет сформулированного церковного мнения. На сегодня Патриарх является уникальным знатоком почти всех сторон церковной жизни: он знает приходскую жизнь; восстанавливая Пюхтицы, он узнал, что такое монастырская жизнь; знает и епархиальное управление, был и Управляющим делами Патриархии, работал в ОВЦС, возглавлял Учебный комитет, руководил восстановлением Даниловского монастыря... Проблемы всех этих сфер церковной жизни он знает на своем опыте, но при этом не было такого, чтобы у него опускались руки, чтобы он не видел путей их разрешения.

С самого начала он задал очень здравомысленный тон: энциклопедия должна делаться на основе твердого научного знания, а работа должна опираться на дружелюбное сотрудничество церковных и светских людей. Наша энциклопедия объединяет очень разных людей: от руководителей государств до краеведов из маленьких поселков. И все, что между ними понастроено: амбиции, советские пережитки — все эти, как их Патриарх называет, «средостения», должны быть разрушены ради того, чтобы быть вместе и делать общее дело: церковно-научное издание.

Я помню, во втором томе было несколько очень тяжелых статей, одна из них о владыке Антонии (Масендиче), ныне покойном. Он нам прислал письмо, в котором просил не указывать отдельных сторон его биографии, связанных с церковным расколом на Украине. Я приехал за советом к Патриарху, и он спрашивает: «Что значит не указывать? Мы пишем достоверную фактическую историю. Что было, то было». И ни одного раза, даже в сложных статьях, в том числе и связанных с церковно-политической историей, не было такого, чтобы Патриарх сказал: «Не надо об этом писать, давайте умолчим». Если есть подтвержденное свидетельство, мы его должны привести.

Сергей Леонидович, как Вы оцениваете современное состояние церковной науки?

Конечно, по сравнению с 1980-ми годами скачок огромный, не только в изданиях, но в самом уровне обсуждения проблем, выходе на актуальные церковно-исторические, теологические, литургические вопросы. Больше людей стало заниматься церковной наукой, это дает не только больший объем работ, но и происходит взаимообогащение, поднимается общий уровень. Когда в начале 1990-х годов

стало возможно и интересно заниматься церковной наукой, то она, будучи сама системой, развивалась несистематично, на энтузиазме, сама из себя, такой природный рост: «пусть цветут сто цветов!» Это необходимый период, если с самого начала систематизировать, управлять рычагами, то все умрет. И сейчас главный вопрос: достигла ли церковная наука того уровня, когда она естественно нуждается в кодификации, в некоем регулировании, когда уже выяснились основные направления ее развития.

Каким образом возможно регулировать развитие науки?

Жесткое регулирование ни к чему не приведет — надо думать о поощрительных мерах. Поэтому мы сначала в 1997 году создали Макариевский фонд, который стимулирует научные исследования, а в конце 2000 года организовали Агиографический совет, который каждый год распределяет гранты на исследовательские работы по русской агиографии. С одной стороны, надо понять, какие направления церковной науки сейчас на подъеме — потому что помогать можно только тому, что развивается — и, с другой стороны, нуждаются в нашей помощи: организационной, финансовой... Например, церковно-историческая наука в нашей помощи сегодня не нуждается. Мы сделали фильм по истории Русской Церкви: «Земное и небесное», и вслед за ним пошли телевизионные сериалы. Многие востребованы как консультанты — это значит, что теперь они могут существовать. Но патрологию, догматическое богословие и многие другие направления надо поддерживать.

Существует и другая проблема. Современная наука требует огромной работы по вспомогательным дисциплинам: палеографии, археографии, археологии, архивной работе — здесь нужны профессиональные знания, которых церковное образование не дает. На этом фоне важно, чтобы церковная наука не перешла к светским ученым, чтобы среди церковных ученых были специалисты и в этих областях. Несомненно, во многих областях мы держим первенство: в догматическом богословии, в литургике — но, например, в области церковной истории мы уже утратили свое преимущество.

Насколько важно, чтобы церковные ученые были священнослужителями или монахами?

Если историю монастыря пишет светский человек, он возьмет то, что покажется ему

наиболее важным: владения, систему хозяйственного и административного устройства монастыря, может быть, перечень чудотворных икон — но ни слова не будет о духе монашеской жизни, о преемстве старчества. Светский человек живет в несколько ином мире, поэтому читая те же самые монастырские летописи, пройдет мимо этого. Или же, наоборот, начнет преувеличивать эту сторону жизни, и мы получим восторженные повествования о бесконечном числе старцев, пророков и так далее. Поэтому клирики и монахи должны присутствовать в церковной науке. Не дай Бог, догматическое богословие станет предметом рассуждения только светских философов, для пытливого ума которых нет ни предела, ни авторитета Священного Предания. Цементирующими должны быть именно церковные люди, как всегда и было. Особенно это важно, если речь идет не просто об изучении истории богословия, но о современном богословствовании. Несомненно, творческие светские личности могут принимать участие в этой деятельности, предлагать, дискутировать — но церковный разум требует здесь присутствия ученых клириков. И здесь большая ответственность лежит на духовных семинариях и академиях, на их готовности давать образование на высоком уровне.

Откуда Вы предполагаете набирать новых сотрудников в Церковно-научный центр? Ведь молодых ученых надо возвращать.

Мы об этом уже думали, и это для нас вопрос прагматический. Конечно, мы очень заинтересованы растить себе будущих сотрудников по целому ряду дисциплин, но в этом случае мы хотим иметь право выставлять свои требования. Если студент духовной академии пишет работу по теме, связанной с историей Русской Церкви, то мы хотели бы ввести второго научного руководителя от Академии наук, который предъявил бы требования академической науки: архивная работа, проработка литературы, систематизация библиографии — тот минимум, которому у нас в энциклопедии нельзя не соответствовать. Во-вторых, мы бы несомненно настояли на внешнем рецензировании. Корпорация академическая хороша, но если вы помните, то до революции даже на защиты дипломов приезжали люди из Москвы — это были публичные обсуждения, по-разному заканчивавшиеся, иногда и полным провалом. В-третьих, возможно, перспективные студенты дополнительно посещали бы

занятия по языкам, например, по латыни и французскому — тогда мы бы знали, что у нас готовится человек, который сможет заниматься средневековой Европой. Эти требования мы не придумываем, просто жизнь заставляет: а как иначе он сможет смотреть первоисточники, читать библиографию, общаться с авторами? А по окончании, как это принято на Западе, мы бы договаривались, что какое-то время человек обязан у нас поработать. Понравится — останется, не понравится — уйдет. И мы готовы помочь Московской духовной академии взра-

На заседании круглого стола «Возрождение церковной науки. Новейшая история и проблематика. 1990-2005 годы» в ЦНЦ «Православная энциклопедия»

стить таких молодых ученых. Но, что и говорить, это «штучный» товар. Однако, учитывая, какими темпами издается наша энциклопедия, такому человеку мы на много лет может гарантировать работу: на девятом томе мы только выходим из буквы «В».

Каким же будет общее количество томов энциклопедии?

Не знаю. Страшно сказать. А что делать? Параллельно у меня идет работа над Большой Российской энциклопедией, там проще, поскольку есть исследования, на которые можно сослаться. А тут зачастую приходится заново переводить оригинальные тексты, собирать все по крупичкам.

Предполагается ли выпуск электронной версии энциклопедии?

Разумеется, но компакт-диск с несколькими томами энциклопедии выпускать бессмысленно: сначала надо ее полностью завершить,

**ЛОШАДИНЫМ СИЛАМ
НУЖНА ХОТЯ БЫ
ОДНА ГОЛОВА**

Плакат информационной программы МВД РФ по безопасности дорожного движения

отладить поисковые системы и перекрестные ссылки. Как первую пробу мы выпустим на одном диске том «Русская Православная Церковь» и справочник со всеми адресами храмов и биографиями архиереев: так будет представлена Русская Церковь в истории и сегодня. А потом будем постепенно выставлять энциклопедию в интернет том за томом, не предполагая коммерчески использовать ее электронную версию. Слава Богу, мы давно уже живем не за счет субсидий, а за счет того, что государство приобретает существенную часть нашего тиража.

Сергей Леонидович, сегодня мы перестаем говорить о церковной науке в сослагательном наклонении. Но остается вопрос: для чего Церкви нужна наука?

Один архиерей по моей просьбе устроил опрос среди священников своей епархии, спросив каждого из них: «Какие книги Вы читали в этом году?» Ответ очень многих совпал: «Требник». Это не анекдот, это реальная сегодняшняя жизнь. Человек с научными интересами отличается от человека без оных примерно так же, как человек с религиозными интересами отличается от человека без таковых. Как наука, так и религия — существенные компоненты человеческой жизни. Есть две стороны у науки: одна обращена к истине — мы познаем какие-то факты, другая обращена к познающему — человек раскрывает в себе потенциальные способности, которые в нем заложены, способности познания истины, различения истины от лжи. Эти познавательные способности тесно связаны не только с эстетической, но и с этической способностью, не только с возможностью познавать прекрасное, но и поступать нравственно.

Мы сетуем, что у нас по телевизору идет пропаганда безнравственности, народ оболванивается. Но простите, вы развивайте народ, приучайте его к чтению действительно интересных книг, к хорошему кино — умного историка, филолога, богослова вы мексиканскими телесериалами не заинтересуете. Таково влияние науки. Церковь всегда была неразрывно связана с наукой, начиная с древнейших времен. Ну зачем Церкви нужна была письменность? — Но именно она создавала письменность для многих народов. Зачем Церкви нужна была книжность? — Но в России сначала появилась церковная история, а потом гражданская. Интеллектуальная работа всегда была неотъемлемой частью церковной жизни. Если ее не будет, то Церковь захиреет, тем более сегодня, когда интеллектуальная составляющая в человеческой жизни приобретает все большее и большее значение. Если обывательски отвечать на вопрос «Зачем Церкви наука?», то есть такой плакат, который вешает автоинспекция: «Лошадиным силам нужна хотя бы одна голова». Невежественный человек не способен к разумному управлению, к стратегическому планированию — ему не хватает ни кругозора, ни умения воспользоваться накопленным опытом. Каждый раз он изобретает колесо, и каждый раз оно у него восьмеркой.

*Беседовал Петр Королев,
4 курс МДС*

Освободительное движение Илии Громогласова

Илья Михайлович Громогласов. Блестящий профессор, принципиальный и свободомыслящий ученый. Изгнанный из Академии и вновь почетно восстановленный в своем звании, чтобы снова подвергнуться притеснениям и гонениям, на этот раз от советской власти, — и вновь послужить Церкви на Поместном Соборе 1917–1918 годов и в «подпольной» Московской академии 1920-х.

Священник Илья Громогласов. В 1922 году названный первым в списке ГПУ среди приближенных лиц Патриарха Тихона, что по логике

тех лет означало тюрьмы, ссылки, а часто и «высшую меру». Впрочем, развязка последовала только в 1937-ом, а перед этим — аресты... Сургут, потом Тверь. С особым чувством вспоминал отец Илья свое краткое настоятельство в храме Воскресения Христова в Кадашах — меньше двух лет, да и то прерываемое заключением.

Священномученик Илия. Прославление в лике святых на Юбилейном Соборе 2000 года подводит некую черту, завершает (хочется употребить славянское слово «совершает») земной путь священномученика. Внешние черты

и знаки отличия постепенно тают. Остается лишь главное: человек, личность в ее устремленности к Творцу. Биография прелagается в житие, фотография в икону.

Впрочем, не забудем и того, что церковная канонизация совершается не для святых, не для тех, кто, соблюдая веру, уже окончил земное течение. Пример праведной жизни и праведной кончины нужен прежде всего нам, чтобы не потеряться в густых зарослях житейских обстоятельств, не упустить из вида единого на потребу. Не было такой эпохи, когда жизнь христианина не была бы страданием и страхом, борьбой и выбором, свершением и решимостью.

Беды от лжебратии

Илья Михайлович Громогласов был, как сейчас говорят, *self-made man*. С детства окружающая обстановка мало способствовала достижению им высокого общественного положения. Как скажет он впоследствии на показательном процессе по делу «церковников», бедность семьи его отца, диакона Михаила Громогласова, «граничила с нищетой», «с 14 лет я стоял на своих ногах, а с 20 лет я содержал вдову-мать, сестер и детишек, сидя на студенческой скамье».

Илья Михайлович родился в 1869 году. После окончания Тамбовской духовной семинарии в 1889 году он был принят в Московскую духовную академию. Уже в кандидатском сочинении, озаглавленном «Следует ли совершать священнодействие брака над лицами, обращающимися из раскола и жившими до обращения в супружестве?», проявилась смелость и независимость его оценок, подкрепленная, впрочем, солидной научной аргументацией. Используя значительный по объему материал, И.М.Громогласов показывает, что Церковь в течение многих столетий считала гражданский брак сакраментально действительным, хотя и признавала необходимым благословение его Церковью. Отсюда, учитывая историческое развитие церковного благословения брака, он приходит к выводу, что «нельзя считать догматически-существенным и безусловно-необходимым то, что в одно время не существовало, а потом начало существовать», давая таким образом отрицательный ответ на титульный вопрос своего сочинения. Несмотря на отдельные замечания, кандидатская работа в целом была одобрена,

и Громогласов даже получил за нее премию митрополита Иосифа.

Будучи профессорским стипендиатом на кафедре Церковного права, он посещал лекции по юридическим наукам в Московском университете, а в 1895 году был принят доцентом по кафедре Истории раскола в Московскую академию.

В 1906 году в ответ на бурную дискуссию о состоянии духовного образования, развернувшуюся в печати (особенно следует отметить сборник 1906 года «Духовная школа», подвергающий систему духовного образования уничтожительной критике), И.М.Громогласов пишет статью с характерным названием «Бастилия духа», опубликованную в «Богословском вестнике». Основные причины неудовлетворительного положения семинарского образования он видит в сословности школ, а также в «погоне за двумя зайцами»: подготовкой пастырей и общим образованием детей духовенства.

В том же 1906 году выходит статья И.М.Громогласова в «Московском еженедельнике», где он, рассуждая о современном положении Церкви, замечает, что «среди лиц, не утративших связей с Церковью, чувство тревоги за будущее нередко берет перевес над уверенностью в способности официальных руководителей нашей церковной жизни удержаться на желаемой высоте; Церковь в лице своей правящей иерархии не осмелилась поднять протестующего голоса даже и тогда, когда самодержавие в лице императора Петра I посягнуло на ее внутренний строй».

В 1908 году он защищает магистерскую работу «Определения брака в Кормчей и значения их». В декабре 1909 года И.М.Громогласов — экстраординарный профессор. Но бескомпромиссные политические заявления не прошли даром. Разразившийся в 1910 году скандал по поводу замещения вакантной должности профессора по кафедре Церковного права, получивший неофициальное название «дело Громогласова», расколол профессорскую корпорацию Академии на две враждующие группировки. Громогласова предложил в качестве своего преемника уходивший на покой профессор Н.А.Заозерский, но новый ректор Академии епископ Феодор (Поздеевский) настаивал на кандидатуре Н.Д.Кузнецова.

«Дело» кончилось изгнанием Громогласова. В феврале 1911 года Синод потребовал от него подать прошение об увольнении из Академии ввиду «принадлежности к так называемому

освободительному движению» и «несоответствующего профессору Духовной академии образу мыслей».

Оставшись не у дел, Илья Михайлович продолжал научную деятельность и одновременно готовился к преподаванию в Университете. Он был принят в Московский университет только в 1916 году, вскоре получил должность сверхштатного профессора, на которой и оставался до 1921 года.

С увольнением в 1917 году ректора епископа Феодора, обстановка в Академии существенно изменилась. По ходатайству Ученого совета И.М.Громогласов был восстановлен в прежнем звании. Впрочем, пользоваться профессорскими привилегиями ему долго не пришлось; лекции он читал только осенью 1918 года, заменяя заболевшего профессора А.И.Алмазова. Все отчетливее проступали черты нового послереволюционного порядка; академическая жизнь замирала. Предположительно Громогласов продолжал преподавать еще до 1922 года, когда были закрыты последние московские «филиалы» Академии.

Забота о всех церквях

Поместный Собор 1917–1918 годов остается для нас как бы заслоненным великими политическими катастрофами этого периода, рядом с которыми любое параллельное общественное явление представляется скромным и незначительным. Но не стоит забывать, что Поместный Собор стал своеобразной жатвой, подведением итогов мучительных размышлений и жарких дискуссий начала XX века, в которые оказалась вовлеченной лучшая часть неравнодушной церковной общественности. На Соборе 1917–1918 годов церковная мысль достигла наивысшей точки за весь Синодальный период.

Не остался в стороне от соборных прений и Илья Михайлович Громогласов. Как признанный специалист по церковному праву он был включен уже в Предсоборный Совет и явился одним из наиболее активных и деятельных участников заседаний Собора. В своих выступлениях он касался таких актуальных вопросов, как служение диаконисс, употребление в бого-

служении русского языка (которое он находил принципиально возможным), соотношение монашества и епископата, создание единовременных епархий, второбрачие клириков.

19 января 1918 года святой Патриарх Тихон опубликовал послание, в котором анафематствовал совершителей кровавых расправ и призывал верующих на защиту святынь. На соборном заседании 22 января Илья Михайлович выступал после священника В.И.Востокова, провозгласившего, что «единственное спасение русского народа — православный русский мудрый царь». «Единственная наша надежда, — сказал И.М.Громогласов, — не в том, что будет у нас земной царь или президент — как угодно назовите, а том, чтобы был Небесный Царь — Христос: в Нем одном нужно искать спасения. Вместе с вами я благоговеино преклоняюсь перед мужественным и суровым

словом Патриарха, которое давно пора было сказать. Мера безумия и беззакония исполнена, и было бы неразумно отказываться от применения самого сильного средства, которое есть у Церкви. У Церкви нет другого, более сильного оружия, чем отлучение. Это — дело великое, но и последнее, что есть у Церкви, кроме надежды на беспредельную милость Божию. Нужно, чтобы слово отлучения не осталось направленным в пространство, по неизвестному адресу. Нужно определить твердо и ясно, кто именно те враги Христа и Церкви, против которых поднято это грозное оружие; нужно, чтобы отлучение было реальным, действенным отчуждением, отделением тех, кто всею душою предан Церкви, от ее врагов и гонителей. Настал момент нашего самоопределения; каждый должен пред лицом своей совести и Церкви решить сам за себя, сказать, кто он — христианин или нет, остался ли он верен Церкви или изменил Христу, верен он знамени Церкви или бросил его, топчет ногами и идет за теми, кто попирает наши святыни».

И.М.Громогласов для себя этот выбор сделал. В начале 1922 года он оставил светскую службу, приняв твердое решение стать священнослужителем,— поступок, для которого в условиях гонения требовалось огромное мужество.

Гонения от единоплеменников

18 февраля 1922 года Святейший Патриарх Тихон рукоположил Громогласова в сан диакона ко храму святого мученика Антипы в Москве, а через два дня — в сан священника к той же церкви. Принятие Ильей Михайловичем священного сана почти совпало по времени с началом кампании по изъятию церковных ценностей. В записке зампреда ГПУ И.С.Уншлихта от 20 марта 1922 года говорится: «Патриарх Тихон и окружающая его свора высших иерархов, членов Синода в лице: Громогласова, протоиерея Хотовицкого (неофициальный член Синода), митрополита Никандра (Феноменова), епископа Серафима, профессора богословия Лапина и других в противовес декрета ВЦИК от 26.02.1922 об изъятии церковных ценностей ведут определенную контрреволюционную борьбу и ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей...» Далее в записке Уншлихт предлагал арестовать Патриарха и Синод, а всех «попов и церковников, резко выступающих против изъятия»,

Икона священномученика
Ильи Громогласова
(память 22 ноября/5 декабря)

выслать в голодные губернии, где их «афишировать как врагов народа». Правда, в Синоде Илья Михайлович не состоял: с Патриархом Тихоном он сблизился по работе в Высшем Церковном Совете.

22 марта отец Илья был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ. В ноябре-декабре 1922 года последовал показательный процесс — в тот год уже второй «процесс церковников», — на котором Громогласов был приговорен к полутора годам заключения. На свободу отец Илья вышел в августе 1923 года и тогда же он был назначен настоятелем московской церкви Воскресения в Кадашах, в

которой многими любимый протоиерей Николай Смирнов в свое время ввел общенародное пение и организовал при храме сестричество. Отец Илья Громогласов служил на втором ярусе двухэтажного храма и окормлял общину сестер. По воспоминаниям одной из них, скоро он стал душой храма, с которым и сам сроднился. В далекой северной ссылке он писал:

В стране суровой и глухой
Не раз с глубокою тоской
Я вспоминал далекий край,
Души моей заветный рай —

Москву священную, и там —
Прекрасный, дивный Божий храм,
Богослуженья чинный ход
И многочисленный народ,

Могучий всенародный хор,
Повязки белые сестер,
Пред алтарем ряды детей —
Весь милый облик Кадашей.

Весной 1924 года отец Илья, к тому времени уже протоиерей, был снова арестован, но через две недели отпущен по состоянию здоровья. Третий раз он подвергся аресту весной 1925 года. На этот раз его приговорили к трехлетней ссылке, которую ему пришлось отбывать в поселке Сургут Тобольской области. В 1928 году отец Илья поселился в Твери: проживание в Москве было ему запрещено. Служил он в храме в честь иконы Божией Матери Неопалимая Купина. Этот храм был одним из последних мест служения священномученика Фаддея (Успенского), назначенного в Тверь в том же 1928 году. Интересно отметить, что с владыкой Фаддеем протоиерей Илья был знаком еще по учебе в Московской академии.

Начались гонения 1937 года. В ночь со 2 на 3 ноября сотрудники НКВД пришли арестовать священника. Из дома у него взяли все сколько-нибудь ценное: наперсные кресты, крест на престольный, магистерский знак, священнические облачения, личные бумаги, и книги самого священника, написанные им в бытность его профессором Академии.

После допроса отца Илью увезли в тюрьму. Допросы проходили в течение месяца, возможно ежедневно, и на них отец Илья держался мужественно. Последний допрос состоялся 29 ноября. Обвинения носили заведомо

абсурдный характер: профессору-протоиерею инкриминировалось «участие в контрреволюционной фашистско-монархической организации, существовавшей в городе Калинин». Отец Илья твердо отрицал возводимые на него ложные обвинения и никого не оговорил.

На следующий день были вызваны «дежурные свидетели», обновленцы, которые подписали протоколы допросов, предложенные следователем, против отца Ильи и других священников. 2 декабря Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Через день, 4 декабря 1937 года протоиерей Илья Громогласов был расстрелян.

19 сентября 1999 года священномученик Илия Громогласов был прославлен в лике местночтимых святых Тверской епархии, а постановлением Юбилейного Архиерейского Собора 2000 года внесен в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

Николай Солодов, 4 курс МДС

Материал составлен на основании книг «Страстилаты академические» протодиакона Сергия Голубцова и «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» (том 3) игумена Дамаскина (Орловского).

Избранная библиография профессора И.М.Громогласова:

1. О вторых и третьих браках в Православной Церкви. Историко-канонический очерк // БВ.— 1902. №№ 9-11.
2. Канонические определения брака в Кормчей и значения их // БВ.— 1907. №№ 1, 2, 7-11; 1908, №№ 11-12.
3. О сущности и причинах русского раскола, так называемого старообрядчества (пробная лекция в МДА) // БВ.— 1895. №№ 4-5.
4. Освободительное движение и Православная Церковь // Труды Московской Комиссии по церковным вопросам.— М., 1906.
5. Бастилия духа // БВ.— 1906. № 3.
6. Как надо преобразовывать Церковь. — М., 1917 (Серия народных брошюр на современные политические темы, № 20).

Благодарю Пресвятую Троицу

Интервью с Блаженнейшим
Католикосом-Патриархом
всех Грузии Илией II

38

Ваше Святейшество, Вы провели несколько лет в стенах Троице-Сергиевой Лавры, будучи студентом Московских духовных школ. Какие воспоминания о том времени особенно памятны и дороги Вам?

Я с особенной любовью и благодарностью вспоминаю время, которое я провел в Академии. Я учился восемь лет: с 1952 по 1960 год. Это были годы, освященные большой благодатью и светом. Я благодарен Святой Троице, в честь Которой названа эта Лавра, и благодарен преподобному Сергию игумену Радонежскому. Живя в Академии, я всегда чувствовал помощь Божию и покровительство Преподобного. У нас была замечательная традиция: каждое утро мы приходили в Троицкий собор и поклонялись его святым мощам. Я до сих пор чувствую его помощь.

С особенной благодарностью хочу вспомнить тогдашнего ректора протоиерея Константина Ружицкого, который отличался большой мудростью и тактом. Ко мне он относился с особой теплотой, и я до сих пор помню внимание, которое он ко мне проявлял. Также я хочу вспомнить его матушку Марию, которая своей красотой была подобна царице. У нас, студентов, было очень уважительное отношение к отцу ректору и его супруге. Также с большой любовью вспоминаю Николая Петровича Доктусова, он был инспектором Академии. Когда

все студенты готовились к принятию Святых Таин, я по его указанию читал молитвы перед Причастием. Окончив Семинарию, я продолжил обучение в Академии, и Николай Петрович назначил меня старостой курса.

Не могу не вспомнить таких профессоров, как Николай Иванович Муравьев и Николай Михайлович Лебедев, который преподавал латынь. Студенты любили слушать короткие и очень запоминающиеся проповеди протоиерея Иоанна Козлова. Отец Иоанн был миссионером, он даже издал книгу против сектантов, еще до революции. Также с особым уважением вспоминаю Алексея Ивановича Георгиевского, преподававшего русский язык. Я очень хорошо знал его предмет, и когда учился в Семинарии, студенты Академии приносили мне свои сочинения с просьбой поправить их. Алексей Иванович это знал и был в восторге от того, что я, грузин, поправлял русским правописание. Помню случай, когда я проверял сочинение моего однокурсника, ныне одного из русских архиереев. Там оказалось 99 ошибок (*смеется*).

Ваше Святейшество, в Грузии многие знают, что Вы пишете иконы. Что бы Вы посоветовали тем, кто в стенах Духовной академии изучает иконопись?

Я не могу назвать себя иконописцем. Вообще в детстве я любил рисовать, начинал с того, что рисовал Руставели карандашом, и потом рисо-

*Блаженнейший Католикос-Патриарх
всех Грузии Илия II*

вание меня увлекало. Я с любовью вспоминаю матушку Иулианию (Соколову), которая расписывала храм Московской духовной академии и вела иконописный кружок. К сожалению, я не проявил достаточного усердия и не стал ее учеником, лишь издали смотрел и радовался ее труду. Что касается иконописи, это сложнейшее искусство. Я хочу сказать, что сегодня русская иконопись по своей технике изысканна и, к сожалению, иногда бывают случаи, когда на технику обращают столько внимания, что это идет в ущерб духовности. Поэтому я бы посоветовал, чтобы иконописцы обращали больше внимания на духовность.

Я очень благодарен ректору и администрации за то, что наша молодежь может изучать при Академии иконопись. В скором времени мы тоже собираемся открыть в Грузии высшее иконописное духовное училище. У нас уже восстановлена техника перегородчатой эмали, также мы хотим восстановить искусство мозаики, чеканки, так что я буду очень рад, если у нас будет налажено общение грузинской и русской иконописных школ.

Ваше Святейшество, недавно в Грузии было совершено освящение кафедрального Троицкого собора. Когда мы стоим на Литургии,

мы все чувствуем, что для Вас значит Свято-Троицкая Патриаршая Лавра. Если можно, в нескольких словах расскажите нам об этом.

В первую очередь, я думаю, что по воле Господа случился и выбор места, и наименование Лавры Свято-Троицкой. Когда мы только начинали строить, я очень хотел, чтобы храм был построен на скале, и попросил строителей, чтобы они копали, пока не дойдут до скалы. И, действительно, на глубине 20–25 метров обнаружили удивительное плато, на котором и был основан храм. Построен дивный трехэтажный собор. На первом этаже — большой храм Благовещения. На втором — маленькие храмы и выставочные залы церковной утвари и святых. А на третьем — Троицкий храм и четыре маленьких придела: Архангелов, Иоанна Крестителя, Андрея Первозванного и святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Собор замечателен еще и тем, что на горнем месте, где должна была быть патриаршая кафедра, мы устроили престол для Святой Троицы. Он сделан из драгоценного оникса, и там покоится живописная икона Пресвятой Троицы, украшенная драгоценными эмалями. А патриаршая кафедра находится ниже. Я бы сказал, что грузинский народ создал свой автопортрет, и дай Господи, чтобы духовное лицо грузинского народа было таким же красивым, как этот храм.

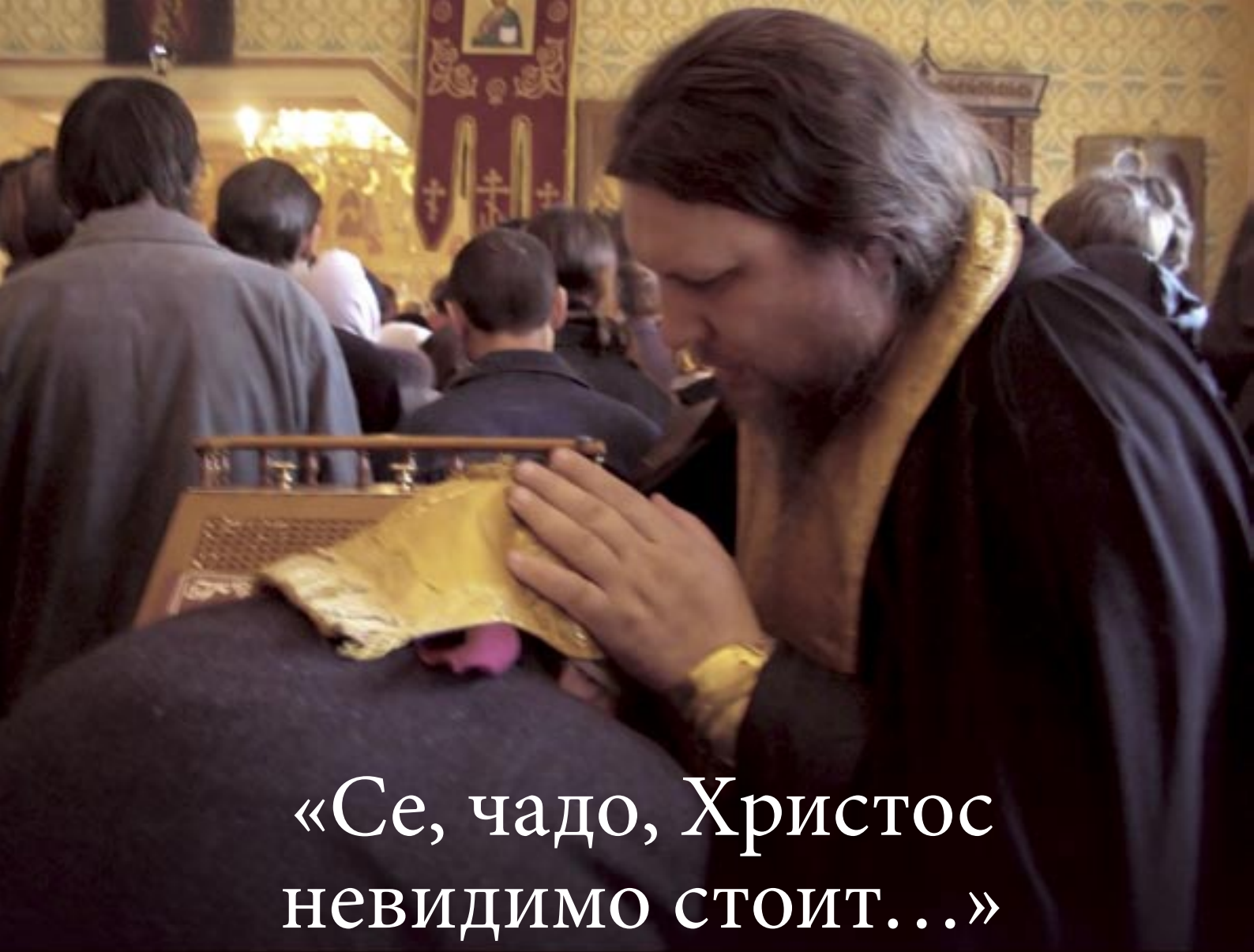
Ваше Святейшество, что бы Вы посоветовали, исходя из Вашего опыта, учащимся духовных школ?

Всегда, когда я бываю в Москве, я стараюсь поехать в Сергиев Посад и преклонить колена перед ракой преподобного Сергия. Поэтому я советовал бы всем учащимся духовных школ как можно чаще прибегать к святыням и поклоняться им.

Я прошу Господа, чтобы он упокоил в Царствии Небесном тех, кто меня воспитывал, тех, у кого я учился. Это были очень опытные педагоги. Большинство из них получили образование в дореволюционных академиях и обладали глубокими познаниями. Я часто поминаю их в молитвах и от них тоже чувствую помощь. То были удивительные и благословенные Богом годы.

Бог да благословит вас, дорогие студенты — вам предстоит еще много дел!

*Беседовала Кетевань Хажомия,
5 курс Иконописной школы МДА*

«Се, чадо, Христос НЕВИДИМО СТОИТ...»

Беседа о Таинстве исповеди

40

Для русского человека характерно очень внимательное и благоговейное отношение к священнослужителю. Мало кто обращает внимание на то, какой священник служит: молодой или старый, образованный или не очень — народ особо не придает этому значения. Но в отношении исповеди наш народ очень разборчив и не к любому священнику пойдет, потому что здесь проявляется опыт, знания, сердечность, духовность, молитвенность священнослужителя. Преподобный Пимен Великий советует: «Не открывай совести твоей тому, к кому не расположено сердце твое». Поэтому один из самых сложных вопросов, с которым придется столкнуться священнику после хиротонии — вопрос, связанный с исповедью. Поговорим о некоторых практических моментах совершения этого Таинства.

Многие из выпускников Семинарии или Академии окажутся на больших приходах, где,

особенно Великим постом, столкнутся с огромным количеством людей, желающих исповедаться. Здесь необходимо избегать ситуаций, когда Таинство ограничивается лишь общей исповедью и прочтением над каждым разрешительной молитвы — в результате многие люди подходят к исповеди и Причастию, не понимая их и не подготовившись должным образом. Необходимо правильно настраивать людей на исповедь и внимательно подходить к каждому исповеднику.

Конечно, огромную роль играет общая исповедь и проповедь перед ней, в которой объясняется, что такое Причастие, для чего мы сейчас собрались, кратко перечисляются основные грехи и объясняется, кто может причащаться, кто не может, как нужно готовиться. После общей исповеди каждый исповедуется лично у священника.

У нас на приходе перед началом исповеди мы задаем такой вопрос: «Кто не знает, как

исповедоваться?» Поднимается море рук. Для этих людей у нас заготовлена памятка о том, как готовиться к Причастию, она отпечатана в большом количестве и ее можно взять за свечным ящиком. Кроме того, у священника могут быть помощники: члены молодежной общины (как это организовано у нас) или просто постоянные прихожане, которые могут ответить на простые вопросы по подготовке к Причастию. Тем, кто готовится к исповеди, можно посоветовать книгу архимандрита Иоанна (Крестьянкина) «Опыт построения исповеди» или святителя Игнатия (Брянчанинова) «О восьми главных страстях и о восьми главных добродетелях». Эти книги всегда должны быть за свечным ящиком.

Исповедь, особенно при большом стечении народа, нужно начинать заранее. У нас на приходе она начинается за полчаса до всенощного бдения. Если приход большой, то постоянных прихожан можно исповедовать даже в пятницу вечером и в субботу утром, чтобы они имели возможность причаститься в воскресенье. Это выходные дни, и люди смогут без лишней спешки подготовиться к принятию Святых Даров.

Исповедь надо начинать с детей. Вслед за ними надо пытаться пропустить постоянных прихожан. Тех, кто пришел в первый раз, нужно стараться оставлять напоследок, чтобы по возможности уделить им больше внимания, задать хотя бы несколько вопросов: «Когда Вы последний раз исповедовались? Когда последний раз причащались?» Сразу становится ясно, церковный ли человек стоит перед вами. Иногда происходят и такие курьезы:

- Как готовились? Что читали?
- Все читала.
- Как все читали?
- Да весь молитвослов читала.
- (Открываем молитвослов)
- Утренние, вечерние молитвы читали?
- Читала.
- Канон ко Святому Причащению читали?
- Читала.
- Канон на исход души читали?
- Читала.
- ?!

Если видно, что на данный момент человек к Причастию не готов, то лучше посоветовать подготовиться еще и прийти через неделю. «Вам как нужно: быстро или хорошо? Хорошо? Когда быстро — хорошо не бывает, а пока Вы

к Причастию не готовы, давайте в следующее воскресенье к этому вопросу вернемся».

С теми, кто пришел в первый раз, особенно нужно избегать формальности и равнодушия, от которых сейчас страдает вся Церковь. Надо позволить им сначала самим высказать все, что тяготит их совесть. У многих найдется, что сказать, у многих — нет. Впрочем, исповедь должна быть совершенно конкретной, недопустимы разговоры издалека: «Я вот живу в таких условиях...» — особенно это неуместно в праздничные дни, при большом стечении людей. Надо учить людей исповедоваться, надо через наводящие вопросы помочь им разбудить покаянное чувство, но и нельзя быть резким, не следует останавливать исповедника: многие ведь только тут могут поплакаться о своей беспросветной жизни. Также надо учитывать, что зачастую происходит подмена исповеди житейскими разговорами, хвастаньем собой, жалобами — конечно, это все от греховной запущенности, малодушия, искаженности представления об истинных ценностях.

Следует обращать внимание и на то, что есть разные типы людей. Некоторые будут подходить, перечислять грехи, но совершенно бесчувственно. Причастие воспринимается ими как некое лекарство, как таблетка в сложных обстоятельствах. Приходят они не в поисках Бога и спасения, а по чьему-то совету, часто даже по совету знахарки или экстрасенса, воспринимая Причастие как одно из многочисленных лекарственных средств. Поэтому важно спросить человека, что привело его в храм.

- Вы Евангелие хотя бы раз в жизни читали?
- Не читал.
- Давайте с этого и начнем.

Посоветовать почитать для начала Евангелие от Марка, самое краткое. Походить эти дни в церковь, хотя бы на воскресные службы. То есть самое главное — подвигнуть человека к церковности, потому что само действие молитвы, богослужения, слышание Слова Божия помогает человеку.

Сейчас под влиянием аскетической литературы у многих прихожан появляется тяга к духовной жизни. Если в XIX веке преподобный Серафим Саровский и святитель Феофан Затворник писали своим духовным чадам, что хорошо бы исповедоваться и причащаться хотя бы каждый пост, то сегодняшние прихо-

жане готовы приступать к Святым Тайнам каждые две-три недели, жить чуть ли не по монастырскому уставу. В этом стремлении к благочестию надо помогать им, надо самим быть готовыми.

Бывает, что люди из раза в раз, приходя на исповедь, называют одни и те же грехи. И здесь встречаются две крайности. Некоторые, занимаясь излишним самоанализом, впадают в мнительность или уныние, отчаиваются в возможности спасения. Происходит это потому, что человек думает, будто походив в храм месяц, год, он может полностью избавиться от гордости, вражды, гнева, тщеславия, недоброжелательности, но видя, что буксует, топчется на месте — приходит в отчаяние. И в такой момент важно человека поддержать и объяснить: «А что ты хотел? Мы же руки пачкаем? Пачкаем. А как мы их моем? По несколько раз в день».

Нужно почаще напоминать следующую историю из древнего патерика. К старцу пришел ученик и говорит:

- Авва, я пал.
- Встань и иди.
- Авва, я опять пал.
- Встань и опять иди.
- Авва, я опять пал!
- Снова встань и иди.
- До каких же пор?!
- До самой смерти. Потому что никогда не падать свойственно только ангелам, падать и вставать — людям, а, падши, никогда не вставать свойственно одним бесам. И мы будем осуждены не за то, что мы пали, а за то, что, упав, не встали. Сам Господь говорит: «Разве, упав, не встают и, обратившись с дороги, не возвращаются?» (Иер. 8:4)

Другие драматизируют ситуацию, «зацикливаясь» на «повседневных», как мы их называем, грехах. Надо надеяться на исправление и стараться от исповеди к исповеди становиться лучше, а при исповеди постоянных прихожан постараться уходить от этого бесконечного самоанализа.

Митрополит Питирим (Нечаев) говорил, что для постоянных прихожан лучше, чтобы на исповеди они рассказали о какой-то одной своей страсти, например, о гордыне или о гневе, но при этом рассказали подробно: какие проявления, чем вызывается. Если у человека нет желания, решимости оставить грех — тогда и разрешительная молитва не читается.

Конечно, мы не должны идеализировать, он может дать обещание и снова согрешить, но он будет понимать, что обещание давал Богу. Помня об обете, человек сможет постепенно избавиться от этого греха.

Самое сложное — исповедовать людей нервных и психически нездоровых. Здесь необходимо иметь сочувствие, просто выслушивать их. Таких людей можно определить по попыткам чрезвычайно тщательно исповедоваться, чуть ли не генеральную исповедь проводить из раза в раз. Если нормальному человеку мы советуем некоторую аскезу — пост, молитву, чтение Священного Писания, — то людям душевнобольным, «замоленным», наоборот, необходимо ослабление подвигов. Во всем должна быть «золотая середина», как и преподобный Макарий Оптинский учит: «Крайности — от бесов».

Нормальное состояние человека, как сказано в Писании, — «сердцу веселящуся, лице цветет» (Притч. 15:13). Это когда на сердце тихая радость, а лицо «сияет умными лучами этой духовной радости». Христианин по своей природе оптимист, у него совсем особый взгляд на происходящие события. Есть такое стихотворение:

- В одно окно смотрели двое.
- Один увидел дождь и грязь.
- Другой — листы зеленой вязь,
- Цветы и небо голубое.
- В одно окно смотрели двое...

Преподобный Нил Сорский высказывает мысль о том, что «понуждение сверх сил приносит душе помрачение за помрачением». Вот так же и этим «замоленным» людям, пессимистам, необходима духовная поддержка священника. Нужно стараться бесконечное число чтений акафистов и кафизм ограничить утренним и вечерним правилом, главой Евангелия. Ослабление поста, подкрепление пищей и увеличение сна может нормализовать положение. Потому что чрезмерное увлечение аскезой может слабого человека привести к духовному срыву — нередко мы это наблюдаем Великим постом.

Про первые великопостные дни в Типиконе встречаем такие слова: «Святые же горы Типик в первый убо день отнюдь не повелевает ясти. Могущие же пребудут постящися до пятка». Когда я жил в Троице-Сергиевой Лавре, со мной был такой случай. Заканчивается первый день Великого поста, я, молодой

и ревностный монах, подхожу к архимандриту Кириллу (Павлову), духовнику Лавры: «Батюшка, благословите в трапезную не пойти». А он в ответ: «Благословляю в трапезную пойти». И смотрю, что в трапезную идет сам отец Кирилл, с ним отец Наум и другие почтенные отцы. То есть лучше поесть и смириться, чем не поесть и считать себя за нечто великое.

Чтобы исповедь носила конкретный характер, исповедникам можно записывать свои грехи. Оптинский старец Макарий советует: «В случае смущения и забвения грехов своих можно, идя к Таинству, записать оные для памяти и при забвении, с позволения духовника, посмотреть в записку и объяснить ему».

Многие старцы и современные духовники придерживаются мнения, что, поскольку исповедь ограничена по времени, то людям необходимо готовиться к ней заранее: в течение недели кратко записывать свои грехи. Случается, люди подходят к аналою и от страха все забывают, как на экзаменах, в таком случае пусть лучше пользуются «шпаргалками».

Обычно, когда наши прихожане приходят с таким «исповедальным листком», священник по возможности его быстро просматривает, а исповедующийся в это время может рассказать подробнее о том, что его совесть более всего беспокоит. То есть, с одной стороны, человек всю неделю осознанно готовится к исповеди, а с другой, остановив внимание на одном каком-то грехе, и уже к нему не возвращаясь, он не будет останавливаться в духовном росте. Таким образом, от исповеди к исповеди будет вестись духовная работа. Люди не должны подходить как болванчики: «делом, словом, помышлением...» Одна девочка написала: «Не слушалась родителей, разбрасывала вещи, обижала кошку... но кошки у меня нет».

— Как же ты ее обижала, если у тебя кошки нет?

— А я у Таньки списала.

Есть еще небольшие практические вопросы, которые молодым священникам необходимо знать. Часто у людей бывает естественное смущение в исповедании каких-то грехов. В этом случае можно накрывать исповедующегося епитрахилью, чтобы ни ты не видел человека, ни он не видел тебя. Это создает психологическую завесу, покров, вдобавок сама епитрахиль — освященный предмет. Когда сзади стоит несколько десятков людей, появ-

ляется страх, что они как-то услышат. Нужно предложить говорить тихонечко, на ухо. Если не получается «раскачать» человека, можно вместе с ним помолиться, предложить ему прочитать молитву «Отче наш» — и в результате совместной молитвы он потихонечку оживает, сердце его смягчается, усиливается покаяние и он может уже исповедать те грехи, которые мучают его совесть.

Перед исповедью можно сказать: «Вы знаете, мы за это время столько наслышались, столько навидались, что ничем нас уже не удивишь, поэтому кайтесь спокойно и помните, что это, может быть, ваша последняя исповедь».

Еще можно напомнить, что если человек идет на исповедь, но сознательно утаивает какой-то один грех, то все остальное, что он говорит, почти не имеет значения. Лучше, если бы он рассказал только об этом одном, тяготящем его душу грехе.

И самое главное, как бы священнику ни было тяжело, какое бы у него ни было самочувствие и давление, он должен встретить человека с улыбкой, особенно пришедшего в первый раз, начать с простого вопроса: «Как тебя зовут? Танька? Ну, иди сюда, не бойся». То есть постараться приветливым словом, шуткой сбить этот естественный накал, напряжение.

Священнику важно перед совершением исповеди помолиться и о самом себе, чтобы Господь помог сказать нужные слова, поддержать, утешить человека. Нужна предельная внимательность, всегда необходимо держать себя в руках, чтобы не проявилась усталость, негодование или раздражительность в случае, если люди не будут понимать каких-то простых вещей.

Когда на исповеди иерей выслушивает и читает все, с чем приходят люди, ему в то же время очень важно про себя произносить пятисловную Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», или просто: «Господи, помилуй», чтобы никакие впечатления ни в уме, ни в сердце не оставались. Священник после исповеди должен «забывать», что было сказано, кем было сказано, чтобы к человеку оставалось такое же расположение, какое было, когда он ничего не знал. Чтобы не было в мыслях: «А я и не знал, что ты такой». Пастырь на исповеди только свидетель. Он перед Таинством исповеди говорит следующие слова: «Аз же точно свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне».

О тайне исповеди святитель Феофан Затворник говорит: «А вам, духовникам, надо бы рядом с аналоем положить нож острый-преострый, чтобы за открытие исповеди язык вам отрезать, потому что многие из-за этого отгоняются от исповеди». Но тайна должна быть обоюдной. Это надо объяснять прихожанам в беседах. На один и тот же вопрос разным людям священник может дать совершенно разные ответы. Например, одну, плакавшую и сокрушавшуюся, допустить до Причастия, а другую из-за ее бесчувствия («обстоятельства так сложились») — отстранить. От разглашения тайны могут рождаться и зависть, и интриги, и соперничество, совершенно недопустимые в приходской общине. Чтобы избежать этого, сам исповедающийся должен быть предельно внимателен к себе, к своему внутреннему миру, не пересказывать сказанного ему на исповеди.

Умение исповедоваться и исповедовать — результат долгих трудов и упорной работы над собой. Духовное окормление прихожан — одна из самых важных сторон пастырского служения. Нисколько не преувеличивая, духовничество можно назвать наукой из наук. И как всякая наука, оно требует определенного опыта, приобретение которого — первоочередная задача пастыря. Чтобы научиться

чувствовать человеческую душу, пастырь должен сам вести духовную жизнь, насколько возможно чаще приступать к Таинству покаяния, регулярно служить Литургию и причащаться Святых Таин. Не менее важно изучение святоотеческого наследия — для усвоения многовекового опыта православного пастырства. И наконец, необходимо понимать, что в подлинном смысле духовником может быть только тот, кто избран Богом и поставлен Им на это место. Священнику нужно чувствовать эту большую ответственность. Непозволительно гордое представление о возможности решать судьбы других людей. Духовничество в первую очередь — полное самоотвержение, а не присвоение себе чести, славы или мудрости. Священник — не вершитель суда Божия, а только свидетель перед Ним, и это всегда полезно помнить.

Существует повествование об одном подвижнике, которого как-то спросили:

— Каким это образом бывает, что каждый человек, который к тебе приходит и рассказывает про свое житье-бытье, даже без чувства покаяния и сожаления, вдруг становится охвачен ужасом перед тем, каким он является грешником? Он начинает каяться, исповедоваться, плакать и меняться.

Этот подвижник сказал замечательные слова:

— Когда человек ко мне приходит со своими грехами, я эти грехи воспринимаю как свои, потому что этот человек и я — едины. И те грехи, которые он совершил действием, я непременно совершил мыслью, или желанием, или поползновением. И потому я переживаю его исповедь как свою собственную. Я иду ступенька за ступенькой в глубины его мрака. Когда я дохожу до самой глубины, то связываю его душу со своей и каюсь всеми силами своей души в грехах, которые он исповедует и которые я признаю за свои. Он тогда охватывается моим покаянием и не может не каяться. Он выходит освобожденным, а я по-новому каюсь в своих грехах, потому что мы с ним едины сострадательной любовью.

*Игумен Мелхиседек (Артюхин),
настоятель храма
святых апостолов Петра и Павла в Ясенево,
подворья Оптиной пустыни*

Против копоти и равнодушия

«Лики святых в наших древних храмах потемнели единственно потому, что они стали нам чуждыми; копоть на них нарастала частью вследствие нашего невнимания и равнодушия к сохранению святыни, частью вследствие нашего неумения хранить эти памятники церковного искусства».

Е. Трубецкой. «Философия русского религиозного искусства»

Окна в вечность

Возрождение интереса к искусству иконописания и, в частности, к русской иконе — явление весьма отрадное. Появляются новые школы, новые мастера. Многие монастыри, храмы и братства также занимаются написанием новых и реставрацией старинных образов. Для современного человека все яснее становится граница между религиозной живописью и собственно иконой. Прикоснувшись к подлинному церковному искусству, человек уже не может воспринимать реалистические умильные картины на религиозные темы в качестве молитвенных образов, для него выявляется принципиальная разница между картиной, которая пытается изобразить привычную для глаза реальность, и иконой, которая являет невидимое. Отрадно и то, что в

России иконописание остается священным делом, оно не вырождается ни в «декоративно-прикладное искусство», ни в «русские традиционные промыслы», и в этом велика заслуга иконописных школ при православных академиях, институтах и братствах.

Удивительный мастер, один из лучших иконописцев нашего времени, монахиня Иулиания (Соколова) говорила, что иконопись — это искусство традиции. Начинающему иконописцу во все века предлагалось работать только «по образцам». Постигать мир иконы, постигать его правильно и, тем более, выражать этот мир в надлежащей художественной форме может далеко не каждый. Однако всегда были люди, которые при чистоте сердца, способного созерцать сокровенную истину, могли творчески воплотить в видимых образах то, что

недоступно чувствам. Современные иконописцы в процессе своего обучения также копируют древние образы, тем самым приобщаясь к особому миру иконы, к живой иконописной традиции. Они приобретают этим известную творческую свободу. Творчество иконописца органично продолжает работу его предшественников и учителей и никогда не сводится просто к копированию прежних произведений.

Техника иконописи может изменяться со временем, появляются новые инструменты, новые материалы, соответственно меняются и принципы работы с ними. Иконопись, будучи живым языком, развивается как и любой другой язык, и поэтому она может быть понятной и актуальной для современного человека. Такое жизненное изменение — вовсе не отступление от фундаментальных иконописных

традиций. Главное, что сохраняется последовательность построения образа, каноничность изображений, их духовная основа. В иконописании важна не «индивидуальность» в обычном понимании как самовыражение, а соответствие произведения определенным правилам, которые в церковном Предании называются канонами. Канон — особый язык линий и красок, его своеобразие не случайно. Он происходит из внутренней сущности иконы, так как икона — это видение Церкви, совершенно отличное от мирского, изображение того, что ускользает от обычного зрения. Церковь видит невидимое, и в быстротекущем потоке жизни она созерцает вечность.

Иконописанием, особенно в последнее время, занимаются многие. Как большие мастерские, так и частные мастера работают над написанием целых иконостасов, пишутся иконы новопрославленным святым, выполняются новые списки с древних чтимых образов. Одним словом, новые иконы все чаще встречаются и в храме, и в домах христианских семей. В связи с этим возникает вопрос: как нам сохранить эти иконы? Вопрос, несмотря на кажущуюся отвлеченность, отнюдь не простой. Как ни странно, но более уязвимыми оказываются не древние, а недавно написанные иконы. Это связано с тем, что все материалы, употребляемые для их написания, за исключением разве что олифы или покрывного лака, со временем становятся только прочнее. Иконе приносит вред не столько время, сколько наше нерадение и небрежность.

Часто именно из-за незнания элементарных правил обращения с иконами новым образом наносится непоправимый вред, разрушаются и древние иконы. Утверждение, что в музеях иконам не место, что иконы написаны не для «экспозиции»,

а для храма и молитвы, становится бесспорным только при условии правильного и бережного обращения с ними. Широко известные случаи чудесного обновления икон совсем не говорят о том, что можно пренебречь элементарными правилами аккуратности. Уповать на то, что иконы не будут разрушаться, а, наоборот, станут обновляться сами по себе — значит искушать Бога.

Сырость и непрофессионалы

Основы грамотного обращения с иконой относительно просты. Прежде всего, надо бояться оскорбить святую невнимательностью, безответственностью и просто потребительским отношением. Заботясь об иконах, мы сохра-

няем не только церковное благолепие, мы сохраняем сокровища Церкви, вещественные свидетельства Ее жизни и веры. В комплекс необходимых знаний входит и понимание сложности написания иконы, и сложности реставрационного процесса. «Лечение» поврежденной иконы необходимо доверять специалистам, непрофессиональное вмешательство может оказаться для нее просто губительным.

Главные опасности для икон представляют резкие перепады температуры, сырость и жучок. Во избежание этих напастей необходимо придерживаться некоторых правил.

Очень важно оборудовать хранилище для икон. Таким помещением может стать и храмовая ризница, однако необходимо соблюсти ряд условий. Для хранения икон

идеально подходит сухое и отапливаемое помещение с открывающимися окнами (так как необходимо регулярное и контролируемое проветривание). Влажность должна составлять 45–55%, температура — от +18 до +20°C. Колебания этих показателей должны быть минимальны. В отопительный сезон, когда воздух в помещении становится слишком сухим, его можно увлажнять при помощи ванночек с водой.

Иконы необходимо хранить на специальных стеллажах или в шкафах с полками в размер одной или нескольких икон. Практично и удобно, когда полки подписаны и у каждой иконы есть свое место. При таком хранении иконы ставятся «по темам» (праздники, святые, Богородичные и так далее). Можно сделать и вертикальные полки. В этом случае иконы ставятся оборот к обороту, а между лицевыми сторонами икон прокладываются тканевые подушечки, набитые ватой или аналогичным наполнителем (но не войлоком, во избежание заражения молью), размером 10×10 или 10×15 см, сшитые попарно лентой или тесьмой. Для больших икон (от 80×60 см и более) делаются специальные косые стойки. Такие иконы хранятся в вертикальном положении, но обязательно следует приподнять их на подставку-щит, высота которого должна быть не менее 5–10 см. Очень важно, чтобы около стеллажа не было ни батареи, ни открывающегося окна — для икон очень вредны резкие перепады температуры и влажности.

Впрочем, иконы нуждаются не только в бережном хранении, но и в бережном обращении с ними. Следует быть особенно аккуратным при переносе икон. Во избежание стирания с краев олифы, краски и золота, икону, по возможности, нужно брать за «оборот» или за «бока». Особенно важно оберегать икону

от случайных ударов, которые приводят к повреждениям левкаса — сколам и трещинам.

Значение благоприятного климата в храме переоценить просто невозможно. Для поддержания оптимальной влажности необходимо регулярное проветривание. Особенности трудности возникают с неотапливаемыми храмами. При наступлении весны необходимо следить за плавным повышением температуры в храме, открывать форточки или устраивать вентиляцию с подветренной стороны, чтобы избежать резкого изменения влажности и образования водяного конденсата. На улице должно быть суше и теплее, чем в храме, поэтому в сырую погоду проветривание лучше не производить. Если же вымерзший за зиму холодный храм начать проветривать в мае, при температуре воздуха около 25°C, резкое увеличение влажности неизбежно. А ведь влажный теплый воздух — теплица для грибов, плесени, некоторых видов жука-точильщика. К тому же, увеличение объемов древесины при повышении влажности и несогласованное уменьшение объемов всех материалов при последующем достаточно быстром высыхании приводят к физическому разрушению и икон, и фресок, и резных иконостасов.

Жуки и вечность

Уместно сказать несколько слов и о наиболее опасных «вредителях» икон — плесени и жуках-точильщиках. Разрыхление грунта из-за уничтожения связующего левкаса плесневыми грибами влияет в первую очередь на состояние красочного слоя, который лишается своей основы. Питательной средой для плесневых грибов являются белковые вещества животного и растительного происхождения, а также некоторые минералы. Особенно страдают от плесени иконы с полными или частич-

ными окладами — из-за нарушения влагообмена закрытых частей.

Другой вид биологических разрушителей — жуки-точильщики, личинки которых поедают древесину, пробуравливая в ней ходы. Источенная таким образом доска теряет свою прочность. Питательной средой для большинства личинок служат минеральные вещества, содержащиеся в самой древесине. Однако усваивают они только увлажненное дерево, поэтому иконы, находящиеся в сухих помещениях, не повреждаются ими. Исходя из этого, необходимо всегда помнить, насколько важна стабильность условий, максимальная плавность и регулярность их изменений.

Говоря о хранении икон, нельзя не заметить, что все обсуждаемые меры и правила действительны и возможны только в храме, о котором внимательно и с любовью заботятся, независимо от того, старый ли это, никогда не закрывавшийся храм или вновь воздвигаемый из руин; уникальный памятник архитектуры или же «обычная» церковь XVII–XIX веков.

Сохранение уже имеющихся и переданных Церкви икон — очень серьезная и наболевшая проблема. Церковному обществу нужны специалисты по сохранению богатства православного Предания. Это поможет уберечь и наши святыни от разрушения, и нас самих от невольного греха небрежности. Ведь икона прежде всего священна. Она усвоится тому, кто на ней изображен, возводит к своему первообразу и причастна ему по благодати — при недостойном и небрежном обращении оскорбляется не икона, а тот, чье имя она получила, ее первообраз.

Иеродиакон
Пантелеимон (Шустов),
4 курс МДС

Икона для всех и всё для ИКОНЫ

Прогулка по
художественно-производственному предприятию
«Софрино» Русской Православной Церкви

48

«Иконописный цех завода» — почти оксюморон, не правда ли? Завод — это нечто современное и технологичное: станки, заказы, бригады. А икона — древнее и традиционное: свеча в келье, краски, замешанные на яичном желтке, тихая молитва.

И вдруг такое неожиданное сочетание несочитаемого: иконописный цех завода. Неожиданное, но не невозможное. Добавьте лишь одно слово, и перед вами уже не теоретические рассуждения, а реальность: иконописный цех завода «Софрино».

Академики и традиционалисты

Мастерская «Софрино» включает в себя два разных зала: первый работает в собственно иконописном стиле, а второй — в академической манере письма. И хотя эти залы далеко отстоят друг от друга в территориальном смысле — идти нужно в другой корпус через весь завод, что, однако, доставляет и некое эстетическое удовольствие, так как «Софрино» вычищено и при-

брано не хуже женского монастыря, — но такая удаленность никоим образом не свидетельствует о взаимном дистанцировании этих стилей.

Главный художник «Софрино» Александр Николаевич Москалюнов сравнивает их как одинаково развитые языки выражения. И если иконописец достаточно неплохо владеет одним из них, и в его душе при этом не сухо, то, скорее всего, он сможет создать образ, перед которым захочется помолиться.

Впрочем, было однажды столкновение софринских иконописцев и софринских живописцев: спорили они, в каком стиле расписывать собственную домовую церковь. Победили живописцы. В этом совсем несложно убедиться: роспись небольшого, залитого солнцем и золотом храма, освященного в 1997 году в честь преподобного Серафима Саровского, выполнена академическим письмом.

Однако, если уж упоминать расписанные храмы, то за два года до этого мастерская завершила гораздо более серьезный проект — роспись кафедрального собора Вашингтона, принадлежащего Православной

Церкви в Америке. Работали основательно, с 1991 по 1995 год. Это, пожалуй, самое крупное и памятное произведение художников «Софрино» создано, напротив, в иконописном стиле.

Но вернемся в залы мастерской. Если вы сегодня зайдете в любой из них, то увидите иконописцев немногим более тех восьми человек, с которых начиналась эта иконописная мастерская.

В гостях хорошо, а дома лучше

Дело в том, что хотя за истекшие 25 лет количество работников увеличилось до 150 человек, но лишь малая их часть пишет непосредственно в «Софрино», каждый за своим столом у огромного окна. В основном здешние иконописцы — «надомники».

Этот термин с незамысловатой этимологией обозначает человека, работающего на дому. «Надомник», естественно, не потому является таковым, что живет, к примеру, в Москве, а не в Сергиевом Посаде и ему лень ездить каждый день в Софрино. «Надомник» — это в первую очередь профессионал,

способный выполнить полученный заказ на должном уровне мастерства и потому не нуждающийся в контроле и корректировках по ходу работы. До «надомника» еще необходимо дорасти. Особенно это чувствовалось раньше, годах в 80-х, когда не было иконописных школ и иконописцев приходилось вырастить самостоятельно, иногда даже «с нуля».

Правда, и сегодня обучающий элемент цеха остается актуальным. Приходит, например, выпускник Строгановки или Суриковской академии, пробует писать икону (в академическом стиле, понятно), а получается светская картинка. Иногда год, два уходит на переделку художника в иконописца, иногда и четыре, а иногда не получается совсем — непросто бывает вжиться в рамки церковной традиции.

Стилисты

Большое количество иконописцев весьма расширяет возможности «Софрино» удовлетворять все более ухищренные запросы нашего образованного духовенства. Сейчас просят не просто икону «древнерусского письма», а конкретно — московского стиля, времени преподобного Андрея Рублева, или афонского письма века эдак XIII–XIV, или невянскую икону XVII–XVIII веков, — поэтому специализация иконописцев сегодня именно стилевая; известно, что этот пишет так, другой — иначе, и при поступлении заказа уже примерно ясно, кто будет его выполнять.

Иногда все-таки случаются казусы не только в стилевом оформлении, но и в более серьезных вещах. Например, для одного института сделали икону преподобного Макария Египетского в полный рост, изобразив его в одеждах пустычника. Но эта икона до сих пор стоит в цехе: оказалось, что заказчик ожидал увидеть Преподобного в полном монашеском облачении в какой-нибудь момент богослужения. Пришлось писать заново.

Худсовет представляет собой растягивающийся обычно на целый день просмотр работ всех иконописцев и внесение поправок в них. А.Н.Москалионов, шутя, так передает оценку, какую дает отец Лука: «здесь ничего, а вот это плохо, тут никуда не годится, это исправить, здесь заменить, тут переделать...»

Хирурги икон

Наверное, самое лучшее пожелание иконописцу — чтобы его работа лет через двести попала на реставрацию. Ведь обычно просят восстановить какие-нибудь ценные и чтимые иконы. Небольшой реставрационный отдел есть и в «Софрино», «хирурги икон» возвращают к жизни то, что казалось утраченным безвозвратно. Приносят иконы и частные владельцы, и храмы, а чаще всего — монастыри; приносят, разумеется, то, что дорого, например, чудотворные образы. Самые древние иконы, с которыми доводилось работать здешним реставраторам — XVI века, бывали иконы XVII века, но в основном — все же более поздние изображения.

Еще меньше места, чем реставрационный цех, занимает «проектный» отдел, состоящий из нескольких компьютеров. Тут создаются образы, которых еще никогда не было. Например, если понадобится икона малоизвестного отшельника Нитрийской пустыни V века и окажется, что доступных образов нет, то именно этот отдел по сохранившимся описаниям должен реконструировать внешность святого и уже затем полученные наброски предоставить иконописцу. Здесь же проектируются «юбилейные иконы»: к грядущему празднованию 625-летия Куликовской битвы создается

Донской образ Пресвятой Богородицы с клеймами, изображающими события тех времен.

Семь слоев

Весьма интересна шелкография, представленная в Софрино несколькими цехами. Это, собственно, один из способов размножения икон — насколько необходимый, настолько и нетворческий процесс, однако довольно любопытный с точки зрения технологии. Вначале надо взять икону, написанную красками на доске и выделить в уже законченном образе несколько стадий, зафиксировав их как отдельные изображения. Эти стадии приближены к той последовательности, в какой обычно пишут икону: роскрышь, опись, вохрение, пробелá. Потом надо взять деревянный каркас с натянутым шелком по размеру будущей иконы и перенести каждую стадию посредством фотоэмульсии на такую матрицу. Причем эмульсией покрывают именно те места, где данного цветового слоя быть не должно — непокрытый эмульсией шелк свободно пропускает краску. Получается около семи рамок-матриц, необходимых для создания данного образа. Последовательно печатывая матрицы нужными нам цветами по специальной доске, мы получим изображение высокого качества. За пять минут.

Но это шелкография, а в иконописи главное — люди. Конечно, существенный недостаток нашей виртуальной прогулки по иконописным цехам «Софрино» заключается в том, что мы не дали вам пообщаться с самими иконописцами. Впрочем, их главный ответ — иконы, на которые надо смотреть и пред которыми надо молиться. Молиться в том числе и о самих иконописцах.

*Александр Кукушкин,
2 курс МДС*

Расположенный вблизи от Лавры, Московской духовной академии и ее Иконописной школы цех, конечно, поддерживает с ними тесные контакты. Выпускников Иконописной школы всегда рады видеть в качестве работников цеха. Их духовная и художественная подготовка не вызывает никаких нареканий. Они, кстати, всегда работают на дому.

Игумен Лука (Головков), заведующий Иконописной школой при Московской духовной академии, часто консультирует софринцев по трудным вопросам, приезжает с лекциями по теории и практике иконописи и, кроме того, председательствует на художественном совете, происходящем каждый месяц.

Подвиг просвещенного юродства

Интервью с Карлом Христианом Фельми,
профессором Эрлангенского университета,
доктором богословия МДА *honoris causa*

17 февраля 2005 года в Московской духовной академии состоялось вручение диплома доктора богословия *honoris causa* профессору Эрлангенского университета Карлу Христиану Фельми, крупнейшему немецкому специалисту в области истории и богословия христианского Востока. Диплом почетного доктора присвоен «за весомый вклад в изучение православного богословия и укрепление связей между Русской Православной Церковью и Евангелической Церковью в Германии». Профессор Фельми прочитал доклад «Значение Креста в жизни и трудах профессора протоиерея Павла Светлова». После официальных мероприятий он любезно согласился дать интервью журналу «Встреча».

Профессор, расскажите, каким образом у Вас появился интерес к Православии, как все начиналось?

Обычно на этот вопрос я отвечаю шуткой: «В предыдущей жизни я был православным, извозчиком в Ярославле». Но если говорить серьезно, то у нас в Лютеранской Церкви есть особое литургическое движение — возвращение к традициям, и я спрашивал у своего отца, который был пастором, существуют ли другие Церкви с богатыми литургическими традициями. В то время отношения с католиками были довольно напряженными, и отец ответил, что кроме них есть еще и Православная Церковь. Наверное, это был первый случай в моей жизни, когда я заинтересовался Православием. Потом я заинтересовался искусством,

больше всего меня привлекали древнее романское и готическое искусство, а в дальнейшем и более позднее. Недалеко от нашего города, в Регенхаузе, открылся музей икон, в том числе и византийских, и это тоже оказало на меня влияние.

В школе я любил читать Достоевского, а когда в студенческие годы мне пришлось писать сочинение по систематическому богословию на тему «Экуменический институт», и я немного подустал от работы, то стал смотреть разные книги и наткнулся на «Жизнь и учение старцев» И.К.Смолича. Из «Братьев Карамазовых» я уже знал немного о старчестве, о старце Зосиме, поэтому книга меня заинтересовала.

А еще позже, когда я учился в Гейдельберге, то стал частенько ходить в старокатоличе-

Родился в городе Лечнице (Германия) 13 февраля 1938 года.

С 1958 по 1964 год — студент богословия в университетах Мюнстера и Гейдельберга.

В 1969 году защитил диссертацию «Проповедь в православной России».

С 1971 года — пастор Лютеранской Церкви.

С 1975 по 1982 год — ассистент у профессора Фери фон Лилиенфельд в университете Эрланген–Нюрнберг.

В 1982 году защитил докторскую диссертацию «Истолкование Божественной Литургии в русском богословии».

С 1982 по 1985 год — профессор Сравнительного богословия в Гейдельбергском университете.

С 1985 по 2003 год — профессор Истории и богословия христианского Востока в университете Эрланген–Нюрнберг.

Состоит в Комиссии Всемирной Лютеранской Федерации по диалогу с Православными Церквами.

скую церковь, где богослужения совершались по православному обряду. На богослужениях многое для меня было непонятным, поэтому я купил себе книжку с текстом Литургии, изданную Американской Православной Церковью. Эта книжка стала моим первым учебником по церковно-славянскому — и до сих пор я иногда путаю русские слова со славянскими.

Вернувшись из Гейдельберга, я случайно, говоря по-мирски, — и, конечно, не случайно в христианском смысле — узнал, что поблизости есть институт, занимающийся изучением Восточных Церквей. Я стал ходить туда на лекции, принимать участие в семинарах. Так формировался мой интерес к Православию.

Как Вы думаете, какой способ знакомства с Православием наиболее действенен в наши дни?

Сложно сказать... Я думаю, в первую очередь необходим личный опыт, а не только знания, почерпнутые из книг. Хотя современное Православие внешне — это не Церковь времен Апостолов, многое изменилось с тех пор, но все же больше можно узнать из атмосферы церковной жизни, чем из книг. У нас есть патрологи, которые прекрасно знают писания Отцов Древней Церкви, но совершенно не понимают их, потому что никогда не попадали в подобную атмосферу.

Как-то раз на Соловках я встретил девушку, которая сказала мне: «Если Вы интересуетесь Православием, не столько обращайтесь внимание на церковную политику, сколько на самое главное. Самое главное — знать богослуже-

ние». Уже потом в ходе разговора выяснилось, что она недавно купила мою книгу «Введение в современное православное богословие», а в книге, как вы знаете, я много цитирую богослужебные тексты.

Если в изучении православного богословия главное — богослужение, то с чего надо начинать, чтобы понять лютеран?

Протоиерей Василий Стойков, заслуженный профессор Ленинградской духовной академии, посещая Германию, побывал на службах в разных провинциях и удивлялся богатству лютеранского богослужения в одних храмах и его скудости в других. Из-за этой неравномерности вообще сложно понять лютеранское богослужение, но такое понимание необходимо, как и в любой конфессии. Для серьезного изучения не менее важно знать и символические книги Лютеранской Церкви, в первую очередь — Аугсбургское исповедание. Диалог может вестись только на основе этих символических книг.

Верно ли будет использовать литургический подход при изучении и других конфессий?

Конечно, везде надо знать богослужение, и у католиков месса занимает центральное место. Хотя для изучения католицизма необходимо также знать и папские энциклики. Немецким протестантам гораздо легче изучать католическое вероучение, потому что догматический язык и вопросы общие — только ответы различны. Понимать язык, на котором говорит православное богословие, моим студентам гораздо труднее.

Профессор, Вы много участвовали в экуменическом движении: как Вы оцениваете его перспективы?

Я думаю, что сейчас все становится сложнее, расхождение только нарастает. Православные, особенно Русская Церковь, очень консервативны, наиболее ярко это проявилось в начале 90-х; может быть, сейчас ситуация уже несколько иная. С одной стороны мы видим секуляризацию, с другой — крайний консерватизм, который является лишь реакцией, обратной стороной происходящего обмирщения.

Сейчас и богословие, и церковная жизнь лютеран переживают непростой период, достаточно сильны тенденции к рукоположению женщин, чего раньше не было. Сложная ситуация и в Англиканской Церкви после того, как они рукоположили во епископы открытого гомосексуала. Сейчас не лучшие времена, но тем важнее поддерживать контакты друг с другом, взаимно помогать, изучать традиции друг друга. В принципе, все Церкви, хотя бы они этого или нет, в определенной степени зависимы друг от друга — подобно воде в сообщающихся сосудах.

Наши студенты учатся в Эрлангенском университете, где Вы преподаете. Расскажите о них, пожалуйста.

В нашем университете учатся студенты из России, Белоруссии, Молдавии, они живут вместе с немецкими студентами, постоянно общаются с ними. Стоит отметить, что наша система обучения сложна и существенно отличается от российской, даже немецким студен-

там необходима помощь, чтобы ориентироваться в ней. Нередко студент все свои силы отдает занятиям по любимому предмету у какого-то одного профессора, а на экзаменах оказывается, что он не знает и самых простых вещей по другим дисциплинам — катастрофа! Учиться тоже надо уметь!

Русские студенты в первую очередь учат здесь немецкий язык, но программа обучения может быть индивидуальной. Например, когда у нас учился отец Вассиан (Змеев), нынешний проректор Московской духовной академии, ему не нужно было посещать лекции и семинары по Ветхому и Новому Завету, поскольку экзамены у него уже были сданы, он мог выбирать то, что ему интересно. Он слушал лекции по истории Древней Церкви, по патрологии, посещал мои лекции, собирал материалы для своей диссертации по святителю Амфилохию Иконийскому.

Приезжают ли немецкие студенты учиться в Россию?

Да, такие студенты были — я знаю четверых. Для них это было, конечно, очень полезно. Например, пастор, который курирует православных студентов в Эрлангене, сам учился в советское время в Ленинградской духовной академии. Он много претерпел ради своей любви к Православию: вызовы в КГБ, обыски — с этим было непросто смириться. И еще он изнемогал во время Великого поста, когда кормили только капустой. Но он очень любит Православие, и его докторская диссертация будет посвящена именно Православию.

Девушкам приходится еще сложнее. Отвергая женское священство, надо особенно уважительно относиться к женщинам, чтобы было понятно, что мы не против женщин, а лишь против женского священства. Моей знакомой в начале 1990-х годов в Санкт-Петербургской духовной академии приходилось очень трудно: женщина, лютеранка, которая хотела посещать лекции!

Профессор, скажите, как относятся на Западе к «неопатристическому богословию», как изучаются достижения парижской богословской школы?

Во времена моей молодости католики увлекались в первую очередь греческим богословием, а протестанты больше интересовались русским, парижским богословием. Сейчас такой разницы больше нет. Тогда было очень интересное время, часто звучали имена протоиерея Сергия Булгакова, протоиерея Георгия

Флоровского, Льва Зандера, как-то раз мне довелось видаться с протопресвитером Николаем Афанасьевым. Интерес сохраняется и сейчас, хотя и не в такой степени. Например, во Фрайбурге издаются труды отца Сергия Булгакова, пишутся диссертации по его работам.

Скажите, почему для доклада в Московской духовной академии Вы выбрали тему «Значение Креста в жизни и трудах профессора протоиерея Павла Светлова»?

Работая над «Истолкованием Божественной Литургии в русском богословии», я понял, насколько развита была богословская наука в духовных академиях Русской Православной Церкви, узнал, что существует не только Париж, но и в России пишут на очень высоком уровне. Перелистывая дореволюционные журналы в поисках статей по литургике, я наткнулся на работы Светлова, в которых речь, правда, шла о несколько ином предмете — о сотериологии. Его изложение учения о спасении очень заинтересовало меня, тем более что в лютеранском богословии сотериология занимает особое место.

Светлов, по-моему, сделал в богословии очень много. Хотя у него встречаются некоторые неточности, — например, он считал слово *satisfactio* (удовлетворение — *лат.*) патристическим термином, — но при этом он сумел сохранить равновесие юридического и нравственного аспектов. При всем уважении к Православию я думаю, что среди монашествующих и сейчас встречается мысль о «самоспасении» — спасении исключительно благодаря своим аскетическим подвигам. С другой стороны, несколько преувеличивая, можно сказать, что у нас в Лютеранской Церкви лучшим для человека считается, если он умрет сразу после Крещения, потому что он, получив все, что мог, преставился безгрешным. И то, и другое абсурдно. Между этими крайностями нужно уметь находить равновесие.

В паремии из пророка Исаяи, которая читается в Великую Пятницу, сказано, что Отрок Господень страдал за нас и ранами Его мы исцелились (Ис. 53:5). Иногда крайние аскеты забывают о том, что именно за нас страдал Христос. С другой стороны, некоторые лютеранские богословы говорят, что все вопросы между человеком и Богом уже решены на Кресте, и человек получает все через веру и Крещение. И совсем редко мы слышим о том, что смысл жизни человека состоит в том, чтобы

стать святым. В лютеранской проповеди я слышал об этом только однажды — от нашего архиерея сразу после его поставления во епископа Баварского.

Расскажите о том, как соотносятся понятия святости в Лютеранской Церкви и в Православной.

Будьте святы, ибо свят Господь Бог ваш (Лев. 19:2). О святости сейчас мало говорят, но это связано не столько с Реформацией, сколько с обмирщением. Впрочем, и богословски этот вопрос у нас очень слабо развит.

Аугсбургское исповедание считает возможным почитание святых, однако отвергает их молитвенное призывание. Я читал об этом доклад во время переговоров между Русской Православной Церковью и Евангелической Церковью в Германии. Основным аргументом против молитв святым является то, что спасительные заслуги есть только у Христа, а не у святых. Но в Православной Церкви термин «заслуги» почти не используется, даже к делу Христову его применяют крайне редко. Я думаю, что призывание святых могло бы быть вполне приемлемым и для лютеран, если абстрагироваться от понятия «заслуг». Дело в том, что во время Реформации все вертелось вокруг этого понятия, оно стало «идеей фикс».

Приведу такой случай. Когда я был молодым пастором общины, я хотел немножко украсить наше богослужение. Ладан, правда, во время богослужения я не использовал, но звучало григорианское пение, я читал длинную евхаристическую молитву... На это другой пастор мне говорил: «Вы хотите что-то заслужить!» У него, как и у католиков в Средние века, мысль о заслугах была «идеей фикс». Любое выражение благочестия, даже принятие монашества зачастую рассматривается с точки зрения заслуг.

Насколько помогает наука в Вашей пастырской деятельности?

По сложившейся традиции у профессоров в Германии нет своих приходов. Они и так сильно загружены и наукой, и административной деятельностью. Я был на приходе всего два с половиной года, а сейчас сравнительно часто служу в женском монастыре в Баварии, хотя, конечно, не так часто, как служил бы православный священник-профессор. У нас священник может причащаться не в алтаре, а как простой мирянин, так что я служу четыре-пять раз в год, а причащаюсь, конечно, чаще.

Евхаристические молитвы у вас читаются вслух?

Да, конечно. И в Русской Церкви тоже, я считаю, они должны читаться вслух. Я не сторонник реформ богослужения, о которых сейчас много говорят, даже церковно-славянский язык не нужно заменять русским: всякий сможет понять его, если захочет. Но что такое Литургия без анафоры святого Василия Великого? Одна эта молитва намного лучше всякого урока по катехизису.

Как относятся коллеги к Вашему пристальному изучению Православия?

О Православии на Западе знают очень мало, оно воспринимается как некая экзотика. Видимо, поэтому меня почти никогда не порицали за близость к Православию. Если б я был настолько же близок к католицизму, это вызвало бы неприязнь.

На Литургии я часто читаю евхаристическую молитву святителя Иоанна Златоуста и никогда не слышал, чтобы кто-нибудь был против, даже из пасторов: в Лютеранской

Церкви нет строгого богослужебного канона и евхаристические молитвы можно изменять в определенных рамках. Только по поводу упоминания Божией Матери мне говорили: «Не стоит этого делать, это католическое».

Мое увлечение Православием воспринимают как своеобразное юродство, но для меня это не так уж и тяжело. Однако жаль, что эти мои «странности» никто не воспринимает всерьез, не пытается вместе со мной прикоснуться к Православию.

Недавно вышла Ваша книга об иконописи, над чем Вы собираетесь трудиться в дальнейшем?

Я очень люблю писать об искусстве, особенно об иконописи, но сейчас у меня есть желание вернуться к богословию и написать книгу про протоиерея Павла Светлова, тем более что начало уже положено.

*Беседовал Николай Корюшкин,
4 курс МДС*

Блаженный пресвитер, второй Богослов

56

Имя святого Исихия Иерусалимского, автора сочинения «О трезвении и добродетели», известно всякому, кто читал русское «Добротолюбие». Однако практически все современные патрологи признают, что это произведение, включенное в сборник святителем Феофаном Затворником, принадлежит другому святому, жившему в IX или X веке — преподобному Исихию Синайскому, так как в этом сочинении находятся скрытые цитаты из «Лествицы» преподобного Иоанна и из аскетических произведений преподобного Максима Исповедника, написанных намного позже трудов иерусалимского пресвитера. Приходится признавать, что жизнь и подлинные произведения святого Исихия Иерусалимского являются для нас загадкой.

Единственное биографическое сообщение, посвященное блаженному Исихию Иерусалимскому, мы находим в синаксаре на 28 марта, помещенном в «Месяцеслове императора Василия», где сообщается, что святой Исихий учился в Константинополе у святителя Григория Богослова, а также упоминается о его монашеском постриге, священническом рукоположении и о том, что «все Священное Писание изъяснил и изложил он с ясностью, и предложил для общей пользы, почему для всех был весьма знаменит и удивителен». Удалившись из мира, блаженный Исихий проводил иноческую жизнь в пустыне, где посещал многих святых мужей.

Если верить «Хронографии» преподобного Феофана Исповедника, то следует полагать, что проповедническая деятельность святого Исихия началась в самом начале V века, приблизительно за 20 лет до III Вселенского Собора. В 429 году уже знаменитый своей ученостью и красноречием блаженный Исихий

был довольно близок к святителю Ювеналию, Патриарху Иерусалимскому, возможно, даже занимал должность его секретаря. Святого Исихия называли «учителем Церкви», «светилом», «вторым Богословом» (вторым после святителя Григория Богослова). Когда он произносил свои проповеди, народ рукоплескал ему, как некогда святителю Иоанну Златоусту.

Святой Исихий был даровитым писателем-экзегетом и не менее талантливым проповедником. Однако до нашего времени дошло не так много его трудов, и по большей части они остаются неопубликованными. В основном это комментарии на Священное Писание (на книги Левит, Иова, Псалтырь, на Исаию и некоторых малых пророков) и проповеди (гомилии на Сретение, Благовещение, Пасху, похвальные слова в честь некоторых святых). Греческий и сирийский Восток знают святого Исихия практически только по фрагментам толкования на Псалмы, собранным в XII веке монахом Евфимием Зигабеном. Лишь благодаря кропотливому труду ученых новейшего времени гомилии святого Исихия увидели свет.

Его произведения, даже в той неполной форме, в которой они сохранились, дают представление о нем как о человеке незаурядном и весьма образованном. Проповеди блаженного Исихия отличаются удивительной простотой и поэтичностью, они доносят до слушателей значение того или иного праздника или отрывка Священного Писания простым, ясным, но при этом красивым и лиричным языком. Его гомилии походят на большие гимны, в которых только что прочитанный за богослужением отрывок из Писания вдохновляет всю речь.

Евгений Ткачев,
5 курс МДС

Святой Исихий Иерусалимский

Похвальное слово в честь святых апостолов Петра и Павла

Переводы студентов Московской духовной семинарии

Сколь приятен аромат прекрасной розы, принесенной весенней порой, но если она сплетена с лилией, то, конечно, становится благоуханнее, ибо мир смешивается с миром и наслаждение благоуханием увеличивается вдвойне. Славен сам по себе Петр и преславнее всех славных, как глава сонма апостольского¹ и око ученичества², как памятник ревности³ и образец веры⁴, как труба таинства⁵ и язык, научивший многие языки⁶, как безупречный пастырь⁷, неусыпный кормчий и несбивающийся с пути возница, как лекарь, приготовивший сильный бальзам покаяния⁸, как рыбак в море, который уловляет рыб на небеса⁹: его сети — чудеса¹⁰, наживка — страдания¹¹, крючок — Крест¹², гавань — Воскресение; как хранитель ключей от горницы¹³, в которой у Отца — сокровища¹⁴, у Сына — брачный чертог¹⁵, у Духа — трапеза¹⁶ и ангелов сонмы¹⁷.

Но когда присоединяется к нему Павел — то это уже двойная стена, ставшая неприступной; двойной источник, неистощимо напоющий всю землю; вдвойне безопасная гавань, в которой находит убежище всякий корабль.

Ласточка щебечет с горлицей, голубь воркует с цикадой, флейта со свирелью поют священную и медоточную песнь. Юноша с преподобным — и правый путь их¹⁸, как возвестил в Притчах Премудрый. Агнец пасется вместе с волком¹⁹ — и восхваляется Пастырь, и прославляются чудеса их Творца. Бык и лев питаются на одном пастбище²⁰ — и пожиная похвалы Укрепивший быка и Укротивший льва. Разве не являлся Павел львом, когда был еще Савлом, когда, убивая, рассеивал стадо, поражал пастырей, скрежетал зубами в Иерусалиме²¹, когда приводил в ужас города, производил смущение в народных собраниях и соделывал села безлюдными, когда беспрестанно заключал в оковы, мужчин влача в темницу и женщин²², однако уступая и мужам в терпении, и оказываясь немощее женского мужества? Он бежал необдуманно, ибо не завершил путь; напрасно махал кулаками, лишь только повредил пальцы, ибо не мог найти обвинителя²³. Поэтому Христос, Сама Премудрость и Само Благо, придя, употребляет кротость и, отвергая надменность, предлагает смирение²⁴. Поэтому Он не

18. Притч. 20:11

19. Ис. 65:25

20. Ис. 11:6

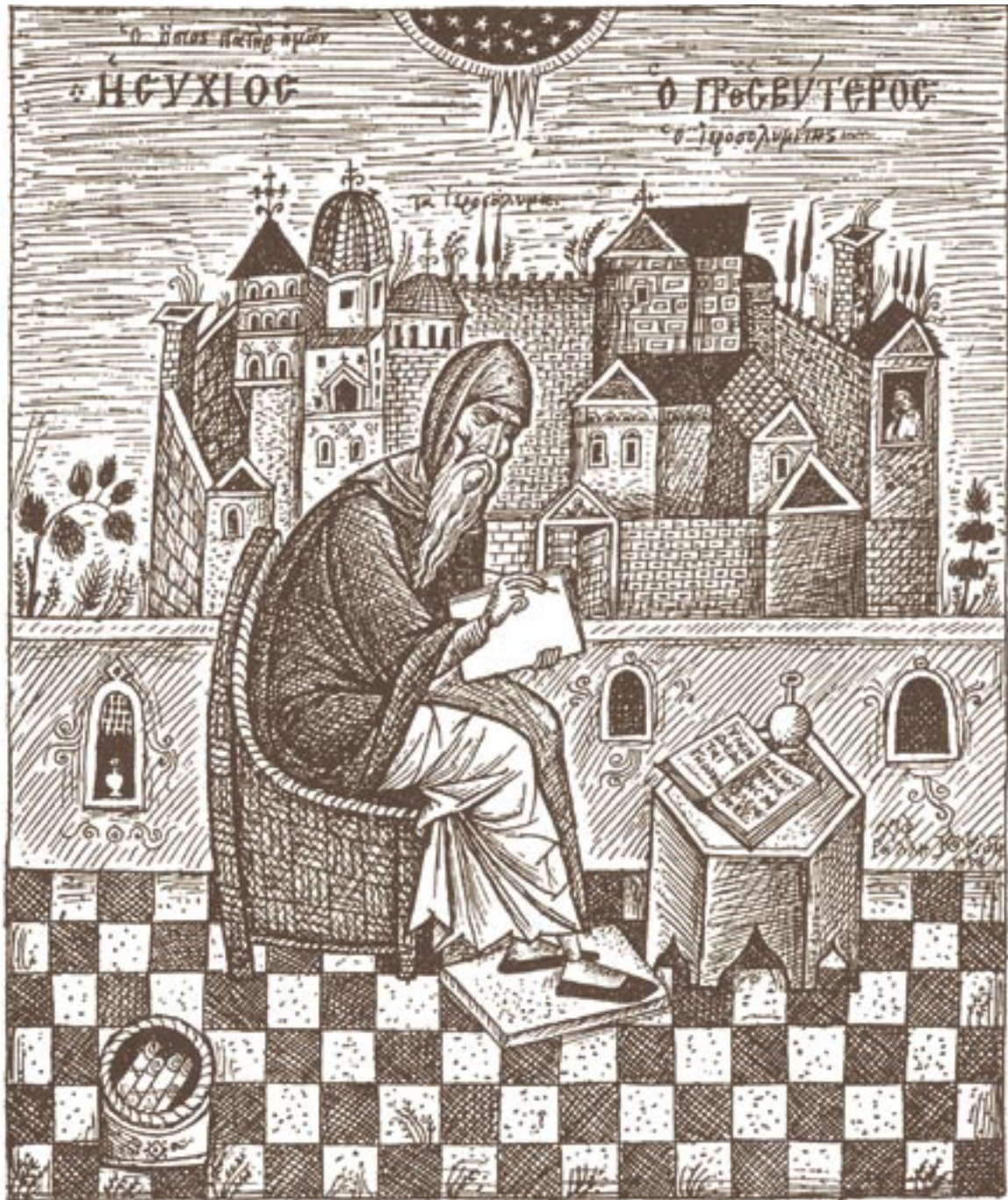
21. Деян. 7:54

22. Деян. 8:3

23. Деян. 6:9-10

24. Мф. 11:29

1. Мф. 10:2
2. Ин. 6:68
3. Ин. 21:7
4. Мф. 14:29
5. Мф. 16:17
6. Деян. 15:7
7. Ин. 21:15
8. Деян. 2:38
9. Лк. 5:8-10
10. Деян. 3:6
11. 1 Петр. 4:13
12. 1 Петр. 2:24
13. Мф. 16:19
14. Мф. 6:20
15. Мф. 22:2
16. Лк. 22:30
17. Ис. 6:2-3

Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский
(память 5/18 марта)

25. Пс. 17:8-9 возжег огонь, не воздвиг бурю, не сотряс основания гор²⁵, не обнажил обоюдоострый ангельский меч, но тихим и человеколюбивым голосом зовет: «Савл, Савл,— говоря,— что ты гонишь Меня?»²⁶ Какое богатство Я у тебя отнял? От какой славы тебя обнажил? Каких преимуществ лишил? Разве Я затворил перед тобою рай?²⁷ Разве из-за Меня ты облекся в листья смоковницы?²⁸ Разве Я виноват в том, что ты возвращаешься в землю?²⁹ Разве из-за Меня ты отпал от власти, лишился жребия, унизил образ?³⁰
26. Деян. 9:4 Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Ты имел Закон, Я же как Благой приложил благодать³¹. Ты служил букве, а Я явил дух³². Тебя опечаливали тени, Я же, когда пришел, явил истину³³. Ты претыкался об образы³⁴, Я же ради многих доставил единое искупление³⁵, не требующее серебра — за сребролюбцев³⁶; Я, объяснив тебе, прославил
29. Быт. 3:19
30. Быт. 1:27-28
31. Ин. 1:17
32. 2 Кор. 3:6
33. Евр. 10:1
34. Евр. 9:8-9
35. Мф. 20:28
36. 1 Петр. 1:18-19

37. Мк. 2:27-28 субботу³⁷, Я исцелил рану твоего
38. 1 Кор. 7:19 обрезания³⁸, Я освободил жертвенник от стенований, явил вместо стонущих жертв жертву нестенающую и всегда радостную³⁹. Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Устыдись шатра Авраамова⁴⁰ и вспомни жертвенник Исаака⁴¹, воскреси в памяти борьбу Иакова⁴². Что ж ты предал забвению сны Иосифа?⁴³ Почему ты не помнишь про жезл Моисеев⁴⁴, про милоть Илии⁴⁵, про мужество Елисея?⁴⁶ Это Мои образы и эти пророчества — обо Мне. Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Это Я показал Иеремии жезл миндального дерева⁴⁷, Я явил Захарии золотой светильник⁴⁸, Я указал Даниилу на нерукосечный камень⁴⁹, Я расширил для Ионы чрево кита⁵⁰, Меня видел великий Иезекииль как Возницу херувимов⁵¹, Я славный Агнец Исайи⁵².
52. Ис. 53:7 Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Посмотри, куда ты направляешь стрелы: небо — престол Мой, и земля — подножие ног Моих⁵³. Куда ты мечешь копья? Я во Отце, и Отец во Мне⁵⁴. В Кого ты бросаешь камни? Я исчерпал воды горстию Своею, и пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли⁵⁵. Против Кого ты изостряешь язык? Я делаю ясной речь гугнивых⁵⁶, Я создал глухого и слышащего, Я сотворил зрячего и слепца. Посмотри, Кого ты называешь обманщиком: Я умножал видения и через пророков употреблял притчи⁵⁷. Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Меня воспевают Давид, а ты поносишь; он поет, а ты хулишь; он играет на псалтыри, а ты топаешь ногами⁵⁸; он перебирает струны, а ты пускаешь в ход оружие⁵⁹. Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Что ты воюешь со Мною Моим же, прикрываешься Законом и воюешь против Меня⁶⁰; устремляешься ради Меня, а Моих казнишь? Отмщаешь за Мою славу, но не знаешь, где должна начаться битва, где разразится война».
- Так обращается Христос к Савлу, а он отвечает: «Кто Ты, Господи?»⁶¹. Ревность Павла прекрасна, ибо когда он был призван, тотчас же послушался. Воспринял слово и тотчас же ощутил славу Глаголющего, и стал отвечать: «Кто Ты, Господи? — ибо я исполнился блистания, охвачен светом, стал пленником сияния⁶². Кто Ты, Господи? — ибо я желаю видеть Твою красоту, порываюсь воспарить к облакам⁶³, хочу узнать, откуда это сияние славы, узнать, Кто Этот образ ипостаси, Кто Этот Держащий все словом силы Своей⁶⁴. Кто Ты, Господи? — ибо я услышал голос Твой и пресытился Законом, больше не тоскую по нему, больше не желаю, чтобы ковчег был из дерева и золота⁶⁵, а люблю священные ясли — царственный золотой дар⁶⁶». Да посрамятся сыны всех еретиков, и да устыдятся еретические уста! Вот смотрите: Павел, будучи призван, не начинает изысканий, но просто верует, поклоняется, а не препирается, воспевает — и нет больше упреков. «Кто Ты, Господи?» — спросил. Он не назвал бы Его Господом, если бы не почувствовал, что зовет его Бог⁶⁷. Того, Кого он знал как Бога, исповедовал Творцом⁶⁸; Кого исповедовал Творцом, о Том возвещал как о Бесстрастном и считал Нетленным. Он почитал как Бессмертного Того, Чье распятие он знал, Чье погребение ведал. Ему было известно и о пощечинах, и о копье, пронзившем ребра, и об ударах.
- Но что отвечает ему Христос? «Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь»⁶⁹. На краткий вопрос звучит такой ответ: «Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь, Я Иисус, Который был прежде и существую ныне⁷⁰; Сущий прежде всех и после всех; Тот, Кто в начале и в конце⁷¹; Сын Давидов, но Сам прежде Давида⁷²; от Авраама, но Творец⁷³; от Адама, но Сам создал Адама⁷⁴; от Исаака, но Сам увенчал

75. Быт. 28:12–13

жертвенник Исаака; от Иакова, но Сам был созерцаем на лестнице, окруженный сонмом ангелов⁷⁵. Я Иисус, Которого ты гонишь, но, преследуя, не можешь догнать; ибо где или как ты можешь уловить сияние славы? Какая сеть сможет вместить образ ипостаси? Кто схватит рукою Содержащего все словом силы Своей? Я Иисус, Которого ты гонишь. Я оберегаю тебя как хранителя Своей Невесты⁷⁶. Что ты гонишь Того, за Которого тебе чуть позже самому предстоит быть гонимым?⁷⁷ Но ты напрасно изнуряешь ноги, тщетно покрываешься потом, сверх меры утруждаешься: Гонимый тобою восседает на лоне Отца⁷⁸. Я Иисус, Которого ты гонишь, не ведая, что против своей Жизни сражаешься⁷⁹. Зачем ты воюешь с Мудрым, мечешь стрелы в Благодетеля, хотя не имеешь иного; попираешь Пищу⁸⁰, благодаря Которой земля без промедления растит тебе в пищу плоды? Презираешь Спасителя, Который если сожмет руку — то кто освободит тебя от грехов, кто разрешит от уз, от кого ты получишь рукописание?⁸¹»

76. Еф. 5:25–32

77. Деян. 9:16

78. Мк. 16:19

79. Ин. 14:6

80. Ин. 6:35

81. Кол. 2:14

Итак, сей Павел — прежде гонитель, теперь же благовестник; прежде разбойник, теперь же кормчий; прежде волк, теперь же пастырь; прежде свинец, теперь же золото; прежде хуливший, ныне же восхваляющий и всеми восхваляемый; первенствующий из учителей, избранный среди бого-

носцев, яснейший из пророков, мудрейший из апостолов, неузвимейший из борцов, славнейший из проповедников Истины, сильнейший из подвижников благочестия. Ибо кто трижды битый палками стремился к этому и в четвертый раз? Кто, как он, величается тем, что пять раз дано ему было от иудеев по сорока ударов без одного? Кто говорит о том, что вместо свадебного омовения претерпел кораблекрушение, ночь и день пребыл во глубине морской? Кто много раз был в путешествиях, но, приобретя всех, каждого сделал богатым?⁸² Кто был в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях на реках, в опасностях в пустыне, в опасностях от язычников, в опасностях между лжебратиями⁸³ и не расточил богатства терпения? Кто переносит заботу обо всех церквях⁸⁴ и не стонет от тяготы искушений, не сгибается и не надрывает спину? Кто чувствует столь великое отвращение ко греху⁸⁵, но стяжал такое милосердие ко грешникам?⁸⁶ Никто! Но он всегда ходатайствует за нас, чтобы соделаться нам причастниками вечных благ во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

82. 1 Кор. 9:19–22

83. 2 Кор. 11:24–26

84. 2 Кор. 11:28

85. Рим. 6:2

86. 1 Тим. 1:15

*Перевод с древнегреческого
(TLG 2797/40)
Евгения Ткачева,
5 курс МДС*

Правила приема в Московскую духовную семинарию

- I Московская духовная семинария — высшее богословское учебное заведение Московского Патриархата, реализующее стандарт богословского образования с пятилетним сроком обучения.
- II В Семинарию принимаются лица православного исповедания мужского пола в возрасте до 35 лет, имеющие среднее или высшее образование, холостые или женатые первым браком.
- III Поступающие в Семинарию сдают вступительные экзамены по следующим дисциплинам:
- 1 Закон Божий, включая: Священную историю, основы православного вероучения, богослужебный устав;
 - 2 Церковная история;
 - 3 Сочинение или изложение на церковно-исторические темы;
 - 4 Церковное пение.

Поступающие должны свободно читать богослужебные книги на церковно-славянском языке.

Рекомендуемая литература:

Серафим Слободской, прот. Закон Божий для семьи и школы; Закон Божий. О православной вере. YMCA Press, тт.1–5.

IV Желающие поступить в Семинарию должны представить в канцелярию следующие документы:

- 1 прошение на имя Ректора;
- 2 благословение епархиального архиерея или рекомендацию приходского священника, заверенную правящим архиереем;
- 3 заполненную анкету;
- 4 фотографии (две 3x4 и шесть 6x8);
- 5 автобиографию;
- 6 свидетельство о рождении;
- 7 документы об образовании;
- 8 справку о составе семьи;
- 9 медицинскую справку по форме 086/у;
- 10 свидетельство о крещении;
- 11 свидетельство о венчании (для женатых).

Всем учащимся предоставляется общежитие и питание. Стипендия выплачивается в зависимости от успеваемости.

Прием документов до 1 августа.

Адрес: 141300, Московская область, г. Сергиев Посад, Лавра, Семинария
Телефон: (09654) 4-53-45

10 марта

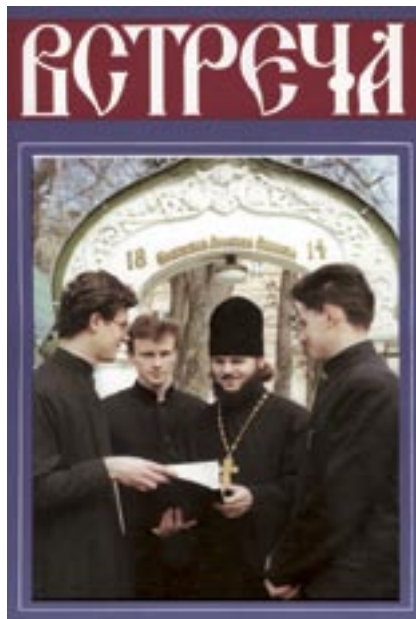
В Московской духовной академии открылся цикл научно-методических семинаров по всему кругу дисциплин, изучаемых в духовных учебных заведениях. Первая встреча этого цикла была посвящена вопросам воспитательного процесса в духовных семинариях. В ней приняли участие более тридцати проректоров по воспитательной работе и духовников семинарий Русской Православной Церкви. В течение месяца прошло еще шесть подобных встреч, на которых обсуждались вопросы преподавания русского языка, катехизиса, философии, богословия и других дисциплин семинарского курса. В работе семинаров принимали деятельное участие заведующие кафедрами МДА.

26 марта

За Божественной литургией в храме Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II с собором архиереев совершил хиротонию архимандрита Амвросия (Ермакова) во епископа Прокопьевского, vicария Кемеровской епархии. Владыка Амвросий закончил Московскую духовную семинарию в 1995 году, после чего поступил в Московскую духовную академию, которую окончил по I разряду в 1999 году. В alma mater владыку Амвросия помнят в первую очередь как регента третьего академического хора, одного из инициаторов создания студенческого православного журнала «Встреча» и сотрудника редакции журнала в первый год его существования. Через некоторое время после окончания Академии отец Амвросий по благословению Святейшего Патриарха был направлен в Сретенский монастырь, где нес послушание благочинного монастыря и проректора Сретенской духовной семинарии.

Руководитель Программы по проведению научно-методических семинаров доц. МДА священник Владимир Шмалый (справа)

Иеромонах Амвросий (Ермаков) (в центре)

29 марта

В Большом актовом зале МДА состоялась конференция «Московская духовная академия в эпоху гонений XX века».

Председательствовавший на конференции митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий огласил приветственное послание Святейшего Патри-

арха Московского и всея Руси Алексия II, в котором Его Святейшество отметил, что «изучение жизни, подвига и духовного наследия профессоров и преподавателей МДА в годы революционных гонений является одной из насущнейших задач, стоящих сегодня перед Московской духовной академией и семинарией».

Были прочитаны доклады: Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий «Изучение и осмысление подвига новомучеников и исповедников Российских в деятельности Синодальной Комиссии по канонизации святых».

Архиепископ Верейский Евгений «Протоиерей Анатолий Орлов, последний ректор МДА, и его судьба в годы революционных гонений».

Сафонов Д. В. «Священномученик Иларион (Троицкий): проректор и профессор МДА».

Светозарский А. К. «Закрывание Академии и попытки ее возрождения в 1920-х годах».

В работе конференции также принял участие ректор СПбДА архиепископ Тихвинский Константин.

17–18 апреля

Академию посетил ее выпускник архиепископ Пражский Христофор. 17 апреля он совершил Божественную литургию в Покровском храме МДА, а на следующий день встретился со студентами Московских духовных школ. В рамках лекции по истории Чешской митрополии владыка познакомил студентов с жизнью четырех предстоятелей Чешской Церкви: митрополитов Елевферия, Иоанна, Дорофея и Николая, а также затронул тему современного состояния Православия в Чехии и Словакии.

Отметим, что в Церкви Чешских земель и Словакии строго соблюдается паритет между обеими национальными частями этой Поместной Церкви. После кончины предстоятеля Церкви архиепископа Пражского Дорофея главой Церкви был избран архиепископ Прешовский Николай.

21 апреля

Профессору Богословского факультета Афинского университета, доктору Афинского и Страсбургского университетов Константину Скутерису был вручен диплом почетного доктора МДА «за совокупность научно-богословских трудов».

Доктор Скутерис является автором большого количества монографий и статей. Наиболее известны его труды:

«Экклесиология святителя Григория Нисского»,

«Значение понятий „богословие“, „богословствовать“ и „богословский“ в учении греческих отцов, включая Каппадокийцев»,

«Ранние образования Английских свободных церквей»,

«История вероучения: Православная вероучительная традиция и ее искажения в течение первых трех веков»,

«Авва Дорофей, практическое учение о христианской жизни».

22 апреля

В МДА завершился очередной раунд двусторонних богословских собеседований между делегациями Евангелической Церкви в Германии и Русской Православной Церкви. Собеседование проходило в Москве и было посвящено вопросам отношения двух Церквей в год 60-летия окончания Второй мировой войны, а также пониманию христианских ценностей в современной Европе. Заключительное заседание, на котором обсуждался итоговый вариант коммюнике, проходило в Малом актовом зале Московской духовной академии. Текст коммюнике был торжественно подписан руководителями делегаций в присутствии преподавателей и учащихся Академии и Семинарии. В заключение представители германской стороны ответили на многочисленные вопросы студентов.

Выступает проф. МДА Осипов А.И., участник богословского собеседования между делегациями Евангелической Церкви в Германии и Русской Православной Церкви

22 апреля

В Троицком соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры ректор Московской духовной академии архиепископ Верейский Евгений в присутствии академического монашества совершил постриг студента первого курса МДА Константина Творогова. Новопостриженному было дано имя Питирим.

Также в этом году пятеро студентов Московских духовных школ подало прошения и было принято в число братии Троице-Сергиевой Лавры.

Преподаватели и студенты МДАиС желают им помощи Божией и преуспения на стезе иноческого добродетели.

8 мая

Троице-Сергиеву Лавру и Московскую духовную академию посетил президент Греции Каролос Папульяс. Его Превос-

ходительство как главу православного государства приветствовали при входе в Лавру торжественным колокольным звоном. Господин президент поклонился мощам преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Также глава греческого государства и сопровождавшие его лица сотвори сугубую молитву у мощей своего святого соотечественника — преподобного Максима Грека.

Также высокий гость посетил Покровский Академический храм, ознакомился с собранием Церковно-археологического кабинета, побывал в Семинарском храме, осмотрел библиотеку и пообщался с преподавателями Греческого кабинета при МДА.

«Я очень рад, что нахожусь сегодня в сердце духовной жизни России, я заберу с собой свет этого места», — сказал президент на торжественном обеде, устроенном в его честь.

Президент Греции К. Папульяс

18 мая

Ректор МДА архиепископ Верейский Евгений вручил дипломы об окончании Московской духовной семинарии студентам из Северной Кореи. По благословению Святейшего Патриарха заместитель председателя ОВЦС епископ Егорьевский Марк 20 и 21 мая рукоположил двоих выпускников во диаконы. Студенты-корейцы были направлены на обучение в Россию по программе обмена Русской Православной Церкви и Союза верующих Кореи, в Москве они приняли Святое Крещение. В скором времени им предстоит начать свою пастырскую деятельность в Пхеньяне в церкви Святой Троицы, строительство которой сейчас идет полным ходом. В напутственном слове архиепископ Евгений пожелал выпускникам твердо держаться православной веры, быть достойными продолжателями апостольского служения, с любовью и уважением относиться ко всякому человеку.

Северо-корейские выпускники Московской духовной семинарии с руководством МДАиС